

Парад
Планет
Угугу
Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2025. – 89 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в восьмые полгода полёта (18.07.2024 – 17.01.2025).

I. Планета X

Планета X – самая загадочная в Литгалактике.

Это планета непредсказуемых проектов, конкурсов и игр. Никто не знает заранее, куда и когда полетит в очередной раз Планета X, кто поведёт её в путь – не менее загадочный мистер Икс или кто-то из экипажа, какой именно маршрут будет предложен участникам и что от них потребуется.

Конкурсы Планеты X:

Командная игра «Четыре грани – 3» – трёхтуровая игра, в ходе которой каждая из зарегистрированных команд представляла четыре грани творчества (прозаическое произведение, стихотворение, декламацию или мелодекламацию, авторскую фотографию) и сыграла с каждым из соперников по круговой системе.

Командная игра «Четыре грани – 3». 1 этап

Сугилитовая зажигалка

Ольга-Клен

Зануда-дождь не располагал к оптимизму. Уже который день лил из неподвижной лиловой тучи, нависшей, казалось, над самой крышей дома. А тут ещё и проблемы личного характера навалились. Как не впасть в хандру?

А ведь всего каких-то полгода назад мир был другим, более благосклонным, что ли... Наше знакомство с самым дорогим для меня человеком произошло довольно оригинально. Судьба – непревзойдённая выдумщица. Шла я тогда, красивая, беспечная по центру города, глазела на витрины магазинов, ловила весенних солнечных зайчиков, слушала птичьи перепалки. Воздух был насыщен будоражающим предчувствием счастья.

И тут вдруг прямо передо мной упала на тротуар какая-то маленькая вещица. Пригляделась – обалденная фиолетовая зажигалка! Я такую никогда не видела. Откуда она взялась? Не с неба же свалилась. Скорее всего, вывалилась из заднего кармана идущего впереди мужчины. Быстренько подобрать и оставить себе? Поднять и окликнуть хозяина? Мысли толпились в моей голове, мешая друг другу, но одна из них несомненно превалировала – я хочу эту зажигалку! Изящный предмет насыщенного оттенка с тёмными, почти чёрными, прожилками да ещё и с золотой огранкой просто заворожил меня.

Вот скажите, на кой мне зажигалка? Я не курю, дымящих приятелей, а уж тем более, приятельниц, у меня нет, даже плита на кухне у меня не требует прикурить, потому как индукционная. На балконе я костры не разжигаю, нет у меня такой привычки. И в походы никогда не хожу по причине акарофобии. Просто очень боюсь клещей. Будь это современное огниво другого цвета, даже соблазна не возникло бы. Но фиолетовый – мой любимый, и я перед ним бессильна.

Ситуация разрешилась сама собой: мужчина, видимо, почувствовав пропажу, обернулся, и заметную вещицу с тротуара мы подняли вместе.

Промелькнула мысль, что если уж не получится взять одну зажигалку, в нагрузку можно прихватить и её хозяина. Как говорится, в хозяйстве пригодится. Тем более, в тот период я была свободной от отношений, а парень напротив оказался до неприличия привлекательным. Вот зачем бог дарит мужчине бездонные синие глаза в обрамлении густых ресниц? А здоровый

цвет лица, чуть припухлые губы, чёрные брови вразлёт? Чтобы добиться такого эффекта мне, например, приходится по часу тратить на макияж. А тут – на тебе подарок, владей!

Стоя друг напротив друга и не выпуская зажигалку из рук, мы одновременно назвали свои имена. Получилось забавно. Оба рассмеялись, с первых минут даря отношениям непринуждённость. Анатолий вошёл в мою жизнь настолько органично, словно был рядом всегда. Три месяца мы прожили в эйфории естественного счастья, ненавязчиво дополняя друг друга.

Единственное, что напрягало меня в Толике, так это его профессия. Он был геологом. Представить себя в геологической экспедиции я не могла и в страшном сне, а мой любимый жизни не мыслил без походов. Мы уже знали, что нам придётся время от времени расставаться, и от этого иногда накатывала волна отчаяния. Да, кстати, судьбоносная зажигалка оказалась из сугилита – натурального камня, месторождение которого они открыли незадолго до нашего знакомства.

Мы уже готовились расписаться, когда Толика срочно вызвали в какую-то таёжную тьму-таракань на замену заболевшему товарищу. Перед отъездом в экспедицию он положил на стол нашу зажигалку с шутливым напутствием: “Пусть останется дома. Не могу же я лишать тебя одновременно и жениха, и любимой вещи. Храни её. Я загадал, что пока она с тобой, ничего плохого не случится. Вернусь живым, здоровым и даже не слишком покусанным клещами”.

Ждать возвращения Толика предстояло пару месяцев. Вначале, пока группа ещё не покинула обжитые места, часто созванивались, а потом как обрезало. Говорят, что в тайге связь очень нестабильна, а местами её вообще нет. Хоть бы так. Хоть бы ничего не случилось. Дождь всюю барабанил по стеклу, добавляя в сердце тревоги.

Не дождь, а стихийное бедствие какое-то!

Кроме молчания мобильника, ещё одно обстоятельство беспокоило меня. Вроде, ерунда. Безделица. Мы же всё-таки современные люди. Двадцать первый век на дворе. И в приметы верить как-то не солидно... Но почему это случилось именно сейчас? Неделю назад, когда я возвращалась с работы, в безлюдном переулке на меня напал грабитель и сорвал с плеча сумочку. Да в ней ничего особо важного и не было. Ключи, кошелёк и мобильник я всегда ношу в карманах. А сумочка, скорее, служила большой косметичкой. Вот обрадуется грабитель! Большой куш взял. Но потом я вспомнила, что в сумочке оставалась моя любимая зажигалка.

До смешного горько. До горького смешно. Что же мне делать? Вернётся Толик, спросит, где зажигалка? А если не вернётся? Нет-нет-нет, об этом я даже думать не буду.

От невесёлых раздумий меня оторвал звонок телефона. Затеплилась надежда – Толик? Но табло мобильного извещало, что я понадобилась Натке, своей единственной подруге. Давненько я не слышала её мелодичного голоса. Дело в том, что месяц назад она огорошила меня сообщением об отбытии на моря. Именно так высокопарно Натка озвучила свой неожиданный отпуск. Спонтанно купила путёвку, благо, в этот период она не была обременена работой и умотала на какой-то заграничный курорт отдохнуть от родины. Видимо, скучать ей не приходилось, если за всё это время она позвонила мне всего пару раз, да и то только для того, чтобы пожаловаться на сервис. Вот и сейчас Натка была верна себе:

– Привет! Ты представляешь, в этой загранице такие цены, что я там решилась приобрести одно-единственное вечернее платье. На вечеринке по случаю моего дня рождения увидишь. Отпад! Меня бы жаба задушила, купи я там ещё хоть что-то. У нас брендовые шмотки можно найти гораздо дешевле. Срочно отправляемся на шопинг. Мне совершенно нечего надеть! Не могу же я выходить в люди в прошлогоднем старье.

6

– Ната, прости, у меня нет никаких сил на покорение торговых эверестов. Приезжай, мне многое тебе нужно рассказать.

– А я уже внизу. Спускайся в темпе вальса, поедем по бутикам прошвырнёмся. Никаких отказов даже не хочу слышать. Заодно всё и расскажешь.

* * *

– Ну и зачем ты купила эту зажигалку? Ты же бросила курить лет пять назад? – спросила Натка. Она все-таки вытащила меня из дома и половину выходного дня мы посвятили шопингу. Теперь же отдыхали от трудов праведных в баре напротив супермаркета.

– Той куче бабла, что стоила эта побрякушка, можно было найти более достойное применение, – Натка лениво потянула коктейль через надломленную трубочку.

Наткина лень была явно напускной, уж я-то знаю. Если в открытую форточку потянет секретом, сенсацией или, на худой конец, какой-нибудь новостью, подружку не остановить. Её правая рука в это время нетерпеливо крошила печенюшку, выдавая хозяйку с головой. Сейчас Натка была уверена, что напала на сенсацию, по крайней мере, ей так казалось. И пока она не

раскрутит весь клубок хитросплетений, уйти от неё живой нет никаких шансов.

– Шесть.

– Что шесть?

– Шесть лет прошло с тех пор, когда я затушила свою последнюю сигарету, – в Наткиной натуре задать вопрос и тут же забыть про него, если он не был связан напрямую с секретом.

– Не суть важно сколько лет, – подруга с громким шумом втянула коктейль. – Рассказывай, зачем тебе зажигалка? Помнится, у твоего Толика похожая есть. Зачем вам в доме две одинаковых фиолетовых зажигалки? Ты обещала мне что-то рассказать, а сама только мрачно молчишь почти весь день.

Красиво очерченные губки моей визави начали складываться в гримасу обиженной куколки. Натка захлопала огромными наращенными ресницами, готовая взлететь и оставить меня здесь одну на веки вечные.

– Наточка, у меня Толик пропал! Уехал в экспедицию и пропал. Ни звонков, ни писем, – ничего! А ещё недавно на меня напал какой-то амбал, вырвал сумочку, и поминай как звали. В ней лежала зажигалка, которую Толик, уезжая, оставил мне. Я боюсь, что с ним там в тайге что-то случилось. А потеря зажигалки – вообще дурной знак, – выпалила я, на корню пресекая Наташкину напускную обиду.

– Вот дура! – подруга даже захлебнулась от возмущения. – Ты ещё к бабке-гадалке сходи. Какая же ты у меня дремучая, оказывается! Напридумывает себе примет, а потом сама же в них и верит. Ты это чего? Чего улыбаешься? Только что чуть не ревела, а сейчас сидишь и улыбаешься! Знаешь, я начинаю беспокоиться о твоём здоровье.

– Уже всё в порядке, Натусик! Мы же с тобой заглянули в ломбард, а там я увидела свою сугилитовую зажигалку. Видно разбойнику моему она не пришлась по вкусу или деньги были нужнее. Вот он и заложил её. А я выкупила. Теперь всё будет хорошо. Какое счастье, что мы зашли в этот магазин!

– Правда, я гений, что вытащила тебя в город?

– Ты просто чудо, Наташенька! Я тебя обожаю.

* * *

Прошло пять дней. Дожди притихли, небо отплакало и успокоилось. Поздним вечером мне не спалось, не читалось и не сиделось дома. Внутри шевелилось какое-то беспокойство, томление, предчувствие... Я вышла во двор, села на лавочку и стала мечтать о встрече с Толиком, разглядывая далёкие звёзды. Они, наверняка, дарили свой свет и моему любимому. По привычке, появившейся совсем недавно, я щёлкала зажигалкой, не выпуская её из руки. Вдруг сзади послышались знакомые шаги. Я обернулась и резко прокрутила колёсико зажигалки. Вспыхнувший огонь осветил уставшее, давно не бритое, но такое родное лицо Толика.

– Здравствуй, любимая! Я же обещал, что вернусь.

Трики-траки-ву

Ольга Зимина

– Антоша, ты должен научиться себя обслуживать, – с этими словами мама ежедневно отправляла меня выносить мусор.

Я должен был открыть дверь квартиры, подхватить пакет и, зажмурившись, преодолеть несколько ступенек вверх, от нашей лестничной площадки до мусоропровода. Быстрее, быстрее, пока никто не увидел меня, не выглянул, заслышав топот маленьких ног.

Ирина Васильевна, пожилая соседка, казалось, вечно меня караулила, – высовывалась из своей квартиры и очень четко, по слогам проговаривала:

– Здравст-вуй, Ан-то-ша!

Она – как и все вокруг – считала меня умственно отсталым, неспособным понять обычную человеческую речь. Я пугался, невнятно бурчал в ответ, спешил захлопнуть за собой дверь.

Однажды, катая машинки по полу в прихожей, я подслушал разговор у лифта:

– Да что ж это такое, опять они с утра вонь на весь подъезд развели! – вопила Нина из двадцать второй квартиры.

Я принялся: соседи с пятого этажа варили рубец для своих собак – запах был очень специфическим.

– Тише, тише, Антоша из двадцатой квартиры припадочный, ему покой нужен, – увещевала Нину Ирина Васильевна.

– Припадочный – так пусть в дурке его лечат, – отрезала Нина и с грохотом захлопнула свою дверь.

...Я не знал, что случилось со мной, когда мир внезапно закручивался в цветную карусель и начинал звенеть, как миллион игрушечных бубенчиков. Сперва звон был тихим и мелодичным, но постепенно нарастал, становясь похожим на рёв гоночного мотоцикла.

Казалось, что это длится совсем недолго, но всякий раз, когда звон прекращался, я обнаруживал, что мама успела отнести меня в кровать и раздеть.

После больницы всё изменилось. Мне удалили маленькую опухоль, давившую на мозг. От операции остался аккуратный, скрытый волосами шов, но мир – увы! – перестал звенеть волшебными голосами. Иногда я об этом жалел...

Меня словно лишили сказки, в которую можно временами прятаться от действительности – соседкиного «Ан-то-ша!», тяжёлого духа говяжьих потрохов, тусклых обоев нашего небогатого жилища...

Мама говорила: «Всё, милый, теперь ты здоров, пора социализироваться. Надо выходить гулять!»

Гулять? Зачем? Мир за пределами квартиры казался местом весьма неприятным. Там, за дверью, ходят люди, которые произносят «Ан-то-ша!» или «припадочный», смотрят на меня жалостливо, с лёгкой брезгливостью.

Хорошо помню, как обманывал маму, не желая переступить порог, – притворялся, что не понимаю обращенных ко мне слов...

Из малыша, которого легко подхватить на руки и вынести на прогулку, я постепенно превращался в угрюмого паренька – гораздо более странного по характеру, чем до операции. Учителя приходили к нам домой; при их появлении я моментально прятался под кровать. Во время урока – если меня всё же заставляли вылезти из укрытия – я раскачивался на стуле и тонко выл на одной ноте, прекрасно сознавая, как неприятно молоденькой учительнице начальных классов моё поведение.

Успокоить меня могли только бубенчики – погремушка, завалившаяся у нас со времён моего младенчества. Я мог часами стучать игрушкой о стекло, бездумно таращась на однообразный заоконный пейзаж – серый асфальт, чахлый старый клён и скрипучую качель, единственное развлечение ребятни нашего двора.

Как-то раз Ирина Васильевна поймала маму лестнице и сообщила:

– Тань, послушай! Ты видела – во дворе детский клуб открылся? Там есть театральная студия – бесплатная! Так вот: педагог, говорят, умеет с отстающими детьми работать. По особой методике... Ты бы своего записала, а то он у тебя даже не говорит...

Мама цеплялась за любые, самые призрачные возможности сделать из меня нормального человека.

– Антоша, сегодня ты идёшь на занятие!

Я брыкался, не хотел одеваться, но мама проявила невиданную доселе жёсткость.

Студия располагалась в нашем доме – нужно было лишь спуститься вниз. У входа меня встретил высокий немолодой мужчина – на его шее был чуть кривовато повязан маленький ярко-оранжевый галстук.

Не обращая внимания на мой придурковатый вид и незастёгнутую рубашку, он серьёзно сказал:

– Здравствуй! Меня зовут Рауль Генрихович, – в его речи ощущалась какая-то едва заметная неправильность, иностранный акцент. – А ты Антон, верно?

Я сделал вид, что не слышу вопроса. К тому времени я выучился настолько виртуозно притворяться глупцом, что иногда и вправду не мог выдать из себя ни слова.

– Сейчас, Антоша, я узнаю, что ты больше всего любишь... Я ведь добрый волшебник!

11

– Трики-траки-ввввуууу! – он дёрнул себя за галстук.

Я молча смотрел на него.

– Так-так-так! Вижу, ты очень любишь звон бубенчиков – верно?

Я так удивился, что даже забыл, что намеревался изобразить полного идиота, не умеющего говорить:

– Да... А как вы узнали?

– Видишь у меня этот галстук? – у него вышло «хальс-тух», – он мне всё про тебя подсказывает.

Я открыл рот от изумления. Рауль Генрихович слегка обнял меня за плечи, кивнул маме, чтобы она побыстрее ушла, и подтолкнул ко входу в основное помещение студии.

– Вот тебе разные шумелки, – это прозвучало как «шюмельки», но я всё понял, – он сунул мне в руки коробку, полную погремушек, трещоток и колокольчиков. – Ты будешь у нас отвечать за звуковые эффекты.

Я зачарованно кивнул и шагнул в зал.
Репетировали спектакль «Музыкальный магазинчик».

– Бобчо и Бобо – гениаааальные дети! – надменно заявила со сцены «мама-муха» – веснушчатая девочка лет десяти. Помню, при взгляде на неё мне захотелось сделать лицо поумнее и застегнуть все пуговицы на рубашке.

Ребята – разные по возрасту, от мала до велика – увлечённо играли. Они словно сочиняли пьесу на ходу – импровизировали, придумывали для своих героев новые реплики, жесты, походку...

Я быстро усвоил задачу: по ходу действия сообразить, какой звуковой эффект нужен в данный момент. Новое дело захватило меня, я готов был создавать шумы бесконечно. Мама, придя к концу занятия, едва увела меня из театра.

– До свидания, Антон, жду тебя послезавтра! – попрощался со мной Рауль Генрихович.

– До свидания! Я приду! – выкрикнул я невнятно и, наверное, чересчур громко. Мама внезапно заплакала. Рауль Генрихович вздохнул, ободряюще потрепал маму по плечу и подмигнул мне.

С тех пор я по три раза в неделю ходил на занятия; скоро я без возражений отправился в обычную школу.

...Рауль Генрихович был настоящим немцем, баварцем. Его отец, вернувшись с войны, рассказывал: в России он видел странных, совершенно непостижимых людей.

– Я бы охотно остался там жить, – говорил он, – жаль, что мы проиграли войну.

Нередко он начинал рассказывать семье об ужасах военного времени, шумно и агрессивно требуя от сына реакции, но Рауль почти не говорил – до шести лет.

– Раньше Гитлер бы сжёг тебя в печке, – внушал ему отец, – немцы не нужны великой Германии!

...В школе мальчика в первый же день вызвал к себе в кабинет директор, господин Шварц.

– Ну что, Раульхен, почему же ты у нас молчишь? – спросил он, – погляди, какой у меня для тебя заготовлен сюрприз!

Он достал из ящика стола стеклянную коробочку, в которой лежал ярко-оранжевый кусок ткани, свернутый в трубочку.

– Смотри, Раульхен! Это галстук, но не простой, а заколдованный. Тот, кто его наденет, будет всю жизнь свободно говорить на разных языках – и даже чуть-чуть научится читать мысли других людей. Чтобы получить этот галстук, нужно всего лишь сказать волшебные слова: «Трики-траки-вввуу!!!» Ну, как? Сможешь? Давай вместе: раз-два-три...

– Трики-траки-вввуу! – выпалил мальчик.

– Даааа! – радостно выкрикнул господин Шварц, нажимая невидимую пружинку на шкатулке. Крышка ларчика откинулась, и директор торжественно повязал Раулю оранжевый галстук.

...До шестнадцати лет Рауль освоил три языка – английский, латынь и русский; в университете изучал психологию и коррекционную педагогику. В начале девяностых, получив солидное наследство от тетки, приехал в Петербург в качестве волонтера, начал работать с немymi детьми в интернатах. В совершенстве выучил язык, закончил режиссерский факультет института культуры. Его студия для детей существовала пять лет, но помещение во дворе на Петроградке театр получил совсем недавно.

– Это тот самый хальс-тух! – рассказывал Рауль Генрихович, когда мы после занятий пили чай в маленькой комнате для реквизита. – Знаешь, Антон, он волшебный.

– Правда?

Я тянулся к галстуку, гладил рукой шелковистую материю, и мне казалось: я могу читать мысли окружающих, чувствовать их тайную боль, понимать мотивы поступков...

Через десять лет – я как раз заканчивал школу и готовился поступать в театральный институт – Рауль Генрихович уезжал на свою родину: к старости Бавария поманила его назад обещанием тёплых бесснежных зим.

– Антон! – сказал он на прощание, – вот тебе на память мой хальс-тух. Я знаю, ты хочешь работать с детьми. Возьми, он пригодится тебе...

– Спасибо, учитель! С радостью! Трики-траки-ву! – ответил я.

Командная игра «Четыре грани – 3». 2 этап

Волшебный суп
Джон Маверик

Солнце вставало из-за моря, румяное, спросонья – лохматое, расплескалось утренней зарей по крышам Стокгольма. Город просыпался. По влажной от ночной росы мостовой стелился легкий розоватый туман. Двери антикварных лавочек, магазинов, художественных салонов и кафе гостеприимно распахивались, приглашая новый день. По Вестерлонггатан шагала, оживленно беседуя, молодая парочка. Стройная девушка в длинном цветастом платье в стиле бохо и парень в джинсах-клеш и узорчатой рубашке. Оба – высокие блондины, гибкие и красивые, с глазами, блестящими от возбуждения и радости. Влюбленные – сказал бы каждый при виде этих двоих. И не ошибся бы, конечно, потому что в чем – в чем, а в таких вещах ошибиться невозможно. Они шли, не держась за руки, но так близко друг к другу, что то и дело соприкасались локтями. И от этих прикосновений обоих каждый раз словно било током.

14

– Нет, Сванте, – говорила девушка, задумчиво улыбаясь, – ты ведь шутишь, да? Не мог он быть настоящим! Ты ведь его выдумал, правда, этого человечка, живущего на крыше?

– Ну, – парень смущенно отводил взгляд, – может, и выдумал. Но я в него, действительно, верил. Для меня он был... не знаю... ожившей сказкой? Спасением от одиночества? Понятно, что летать он не умел. Это у меня мечта такая была, глупая... что постучится однажды в окно летающий человек. И позовет за собой, в необыкновенные приключения. Но на нашей крыше, и правда, кто-то жил. Какой-то городской сумасшедший. Построил себе там каморку. И спускался к нам в квартиру через окно. Я его отчетливо помню, маленький такой, нагловатый толстячок. Притворялся моим другом, а сам только и думал, где чего стащить.

Девушка рассмеялась.

– Точно! Еще варенье любил!

– Ты-то, Карин, откуда знаешь? – подозрительно спросил Сванте.

– Тетя рассказывала. Правда, про каморку на крыше она не говорила. А только то, что приходил к тебе какой-то взрослый чудак.

– Домомучительница, – усмехнулся Сванте.

– Что? – нахмурилась Карин и даже слегка отстранилась от него. – Ты тетю Хильдур не обижай. И, вообще, будь благодарен, что она нас познакомила.

– Я благодарен, – признался он нехотя, – но очень уж она была строга. То не трогай, там не стой, тут не сиди. Готовила – божественно! Плюшки пекла – пальчики оближешь! А меня кормила овощным супом. Детям, говорила, мучное вредно. Представляешь себе?

Девушка не ответила, и несколько долгих минут они шли молча, погруженные каждый в свои мысли. В стеклянной расцветной голубизне над их головами лениво кружили чайки.

– Да, – сказала, наконец, Карин. – Тетя Хильдур была строгой. Иногда даже слишком. Но знаешь, как она рассуждала? На небесах – всегда порядок, а хаос – в аду. Я это очень хорошо запомнила. Всегда теперь, когда убираюсь в квартире, вспоминаю про небесный порядок. Вытерла пыль, помыла пол... и стала ближе к раю.

15

Сванте хмыкнул. А Карин продолжала:

– У тети Хильдур не было детей. Но меня, племянницу, она очень любила. А еще... Не хотела говорить. Но, наверное, надо. Она умела колдовать, моя тетя.

– Это хорошо или плохо?

Карин пожала плечами.

– Это просто так есть. Однажды она пришла к нам в гости, и мама стала предлагать всякие угощения. Кофе, печенье, конфеты. А тетя сказала: «Сварю энгамат». И подмигнула мне. Малышка, мол, поможет. Мы пошли на кухню и стали резать овощи, бросать их в воду и варить суп. А мама в это время накрывала на стол. Энгамат получился очень вкусным, я такого никогда раньше не ела. И когда уже разлили по тарелкам, тетя и говорит: «Этот суп волшебный. Он исполняет самые заветные мечты. Ешьте, мои дорогие, и вспоминайте, чего бы вы больше всего хотели».

– Ого! – восхитился Сванте.

– А я, – улыбнулась Карин, – мечтала о собаке. Знаешь, такой большой, черной... Чтобы выше меня ростом. Мне тогда пять лет было.

– Я тоже в детстве хотел щенка, – признался Сванте.

– Все дети хотят. И вот, мы посидели, поели, поговорили... А утром, только папа открыл входную дверь – а там стоит огромный волкодав! И тут же пес зашел к нам в квартиру, как к себе домой, стал вилять хвостом. Улегся под вешалкой. Папа аж испугался. Родители потом долго искали его хозяев – и не нашли. Потому что это был мой пес. Мне его тетя Хильдур наколдовала своим волшебным супом. Так и остался Чарли у нас. Потом его все полюбили. А вначале папа даже поссорился с тетей из-за этой истории. Но вскоре он выиграл в лотерею заветную «Вольво». А мама издала книжечку своих стихов, о которой давно мечтала.

– Ну и ну, – протянул Сванте и вдруг резко остановился. – Погоди... Так значит, этот чудак на крыше... он тоже?

– Да, – ответила Карин. – Ты хотел иметь друга. И вот.

– Но что-то здесь не сходится. Он ведь появился раньше, чем твоя тетя устроилась к нам на работу. Или нет? – Сванте озадаченно потер лоб.

16

– Это же волшебство, – строго сказала Карин. – Для магии время не имеет никакого значения.

Сванте стоял, почесывая затылок и перебирая, точно старые фотографии или обрывки из полузабытого кинофильма, свои детские воспоминания. Но те разлетались, как бабочки – шаловливые, разноцветные и яркие. В конце концов, он рассмеялся и махнул рукой.

– Да ладно тебе! Пошли лучше завтракать!

– А пошли!

И, продолжая шутить и смеяться, они нырнули в полутемное нутро ресторанчика.

С того солнечного летнего дня прошло ни много ни мало двадцать счастливых лет. Сванте и Карин поженились. Купили маленький, уютный домик в Блокхусудцен, желтый, с красной покатою крышей, утопающий в густых зарослях сирени. Один за другим у них родились дети – Эрик и Линда,

крепкие, здоровые и любопытные малыши, такие же светловолосые и голубоглазые, как их родители. Они быстро росли, хорошо учились в школе и были, в общем-то, обычными шведскими детьми – но, конечно, с самыми необыкновенными мечтами.

А потом в желтый домик под красной крышей пришла беда. У Сванте в желудке завелась опухоль. Сперва совсем небольшая, она не поддавалась лечению, стремительно увеличивалась в размерах и, точно упрямый сорняк, пускала корни по всему телу. Больной похудел и осунулся, превратившись в собственную тень. Смертельный недуг съедал его изнутри, как жучок-короед грызет без жалости и раздумий еще живое дерево.

У постели умирающего Сванте собралось все семейство Свантесонов. Карин стояла, сама похожая на мумию – тревога за любимого мужа иссушила ее – но сдерживала слезы. Испуганная Линда плакала навзрыд. Ее брат кусал губы и смотрел в пол.

– Карин, – тихо позвал Сванте, с трудом приподнявшись на локте.

– Да, дорогой?

17

– Помнишь рецепт того супа? Ну, который варила тетя Хильдур?

– Конечно! – в ее усталых глазах крохотными светлячками вспыхнула надежда. – Хочешь поесть?

Сванте улыбнулся.

– И волшебный ингредиент знаешь? Или заклинание?

– Не понимаю, о чем ты? – произнесла жена растерянно.

– Волшебный энгамат, исполняющий мечты, – сказал Сванте. – Большая черная собака... «Вольво»... Книжка стихов... Друг, живущий на крыше.

Карин всхлипнула и поднесла ладонь к глазам.

– Я помню. Помню. Но... но... Сванте, милый, нет никакого заклинания и никакого волшебного ингредиента. Это был обычный овощной суп. Цветная капуста. Морковь. Зеленый горошек. Пара картофелин. Немного муки. Яйцо. Сливки, лук и перец... Соль и вода. И все. Это была шутка, Сванте, наша семейная легенда. Конечно, мы все немного верили в чудо. Без этого ничего бы не получилось. Но люди всегда верят в такие вещи. Так уж они устроены.

Она все-таки не выдержала и разрыдалась. Эрик обнял ее за плечи.

– Мама, ну... – сказал он. – Не надо, пожалуйста. Пап, мы сварим тебе волшебный суп. Я и Линда. Правда? Мы умеем. Это ведь совсем не сложно. Вода, овощи, специи... И немножко поверить в чудо.

Путёвка на планету Тарарам

Ольга Зими́на

Колокольчик отчаянно задребезжал ровно в девять утра. Я слегка поморщился от его звона – опять кого-то принесло с утра пораньше. Интересно, это ко мне или к Холмсу?

За окном разыгралась настоящая буря. Миссис Хадсон торопливо вышла из своей комнаты и отперла входную дверь.

– Мистер Хооолмс, это к вам! – миссис Хадсон немного простыла, и голос её звучал непривычно гнусаво. – Насколько я понимаю, что-то срочное! Проходите, милочка!

Я недавно вернулся от пациента и сейчас больше всего мечтал о постели с грелкой, но всё же решил посмотреть, кто же пожаловал к нам в столь неуютную погоду.

Холмс невозмутимо появился на пороге своей комнаты – полностью одетый и безупречно выбритый.

Я выглянул в холл и застыл от удивления: в наш многострадальный дом ворвалось что-то, абсолютно не поддающееся классификации... Это была маленькая девочка. Но какая! Коротко стриженная, одетая в серебристый облегающий костюмчик – настоящая русалка без хвоста.

– Мистер Холмс, мистер Холмс! – затараторила она с ужасным русским акцентом, – я добралась до вас первая, правда же? Вовка и Мишка из третьего «В» ещё у вас не побывали?

Глаза Холмса заблестели от интереса.

– Кто ты, дитя моё? – спросил он, делая приглашающий жест. – Вовка и Мишка из третьего «В» нам с мистером Уотсоном пока ещё не знакомы.

Девочка издала победный клич, резво пробежала в гостиную, залезла с ногами в высокое кресло и принялась нести какой-то бред:

– Меня зовут Аня, я из двадцать второго века. На машине времени сюда добралась!

– Вот так история! – не удержавшись, воскликнул я, усаживаясь в кресло перед камином.

Холмс слегка покосился на меня и иронически приподнял левый угол рта.

– Продолжай, Аня, прошу тебя. Итак, что тебя привело в столь ранний час в наш дом?

– Я учусь в третьем «А» классе, и мне нужно быстренько взять интервью у нескольких интересных личностей девятнадцатого века! Я должна поторопиться, пока меня не опередил третий «В»! Это очень-очень срочно! Это командный школьный конкурс, я непременно должна его выиграть! Команда-победитель получает путевку на планету Тарарам, а я мечтаю туда попасть с первого класса!

У меня закружилась голова. Машина времени? Планета Тарарам? В моём чемоданчике остался шприц с сильнодействующим успокоительным – не пора ли его применить? Я покосился на Шерлока. Тот едва заметно покачал головой – мой друг слишком хорошо изучил меня и представлял ход моих мыслей. Я пожал плечами: «Ладно, вам виднее».

Девочка тем временем извлекла из кармана своего русалочьего костюма какую-то плоскую черную штуковину, поводила по ней пальцем – штуковина засветилась и издала мелодичный звук: «Трям!»

– Алиса, ты готова? – спросила девочка.

– Да, я готова, – ответил предмет приятным женским голосом.

– Этот предмет разговаривает? Его зовут Алиса? – я схватился за голову и плюхнулся в кресло.

– Не обращайтесь внимания, мистер Уотсон, у меня очень мало времени. Только пятнадцать минут, – ответила девочка. – потом мне придётся вернуться в свой век. Детям не разрешают долгие путешествия во времени.

– Осталось ровно четырнадцать минут тридцать секунд, – уточнил предмет по имени Алиса.

– Хорошо, тогда приступим, – спокойно сказал Холмс, устраиваясь в кресле поудобнее и набивая трубку.

– Мы с Алисой будем задавать вопросы по очереди! – сообщила Аня, – всё записывается на диктофон. Поехали!

– Мистер Холмс, скажите, о каком своем расследовании вы бы предпочли рассказать потомкам в первую очередь? – сказала черная коробочка.

Холмс на секунду задумался.

– Я полагаю, моим потомкам было бы интересно узнать о моём расследовании кражи бриллианта «Граф Орлов». – мой бесподобный друг сделал глубокую затяжку и вальяжно закинул ногу на ногу.

Я с изумлением вытаращился на него: о таком расследовании я, его биограф, слышал впервые.

Аня тоже смутилась.

- Я думала, что читала обо всех ваших приключениях, но об этой истории я не слышала...
- Аня, он нас троллит, – сообщила Алиса, – не было у него такого расследования! Я проверила.
- Ааа, – сказала девочка, – ну ладно, так и запиши: мистер Шерлок Холмс хотел нас разыграть, но мы его раскусили.
- Мистер Холмс, а вы хотели бы узнать, как мы будем жить в двадцать втором веке? Например, какие новые методы расследования появятся в криминалистике?
- Я никогда не забиваю свою голову ненужными сведениями, – спокойно ответил Холмс. – Зачем мне знать то, чего я никогда не увижу своими глазами?
- А я тебе заранее сгенерировала этот ответ, помнишь? Могли бы и не лететь сюда, – проворчала Алиса, – просто написала бы то, что я тебе говорю – точно бы третий «В» обогнала! В задании не было условия, что обязательно нужно в прошлое лезть!
- Ну так же интереснее! Это настоящая живая история! – воскликнула девочка.
- Никакая это не история, ты прекрасно это знаешь, – заявила несносная чёрная коробочка. – Шерлока Холмса и доктора Уотсона выдумал писатель Артур Конан Дойл, а в реальности они не существовали!
- Позвольте-позвольте! Что?! – вскричал я, не выдержав. – Шерлок, прошу Вас, позвольте мне сделать укол! Девочка больна! Может быть, это вас, дорогая Аня, какой-то писатель выдумал?
- Сидите спокойно, доктор. Сделать укол вы всегда успеете... – Холмс откровенно забавлялся.
- Ты ничего не понимаешь! – сердито заявила Аня, обращаясь к своему говорящему предмету, – это в нашей с тобой реальности Шерлока Холмса не существовало, а в соседней грани реальности – вот этой, в которой мы сейчас – их даже два! Один – настоящий, вот этот, с Бейкер-стрит, а второй – подражатель, он в другом квартале квартиру снимает. Но тоже вполне толковый сыщик.
- Это не подражатель, это мой помощник, мы с ним сейчас проводим новое расследование. Оно называется «Ловля на живца», – сообщил Холмс.
- О, какие интересные сведения! Это эксклюзив! Можно, я раскрою эту информацию в интервью? – девочка захлопала в ладоши.
- Пожалуйста, рад быть полезным. В двадцать втором веке вы уже ничем не повредите ни мне, ни моему двойнику, – вежливо отозвался Холмс.
- И ещё один вопрос: мистер Холмс, хотели бы вы пожелать миру в будущем полного избавления от преступности? – спросила Алиса-коробочка.
- Хм, пожелать, я, конечно, хотел бы, но ведь это бессмысленно? Это – фантастика, которая никогда не станет реальностью. Скорее уж я полечу на планету Тарарам вместе с третьим «А», чем мир полностью очистится от преступности, – спокойно ответил Холмс.
- Всё, Аня, наше время истекает! – сказала черная штуковина.

– Пожалуйста, прошу вас, мистер Холмс и доктор Уотсон, давайте сфотографируемся на память!

Аня торопливо сказала: «Приготовьтесь, мистер Холмс и доктор Уотсон, сейчас надо будет смотреть вот сюда», схватила свой черный предмет, вскочила и жестами показала нам с Холмсом, куда мы должны встать. Мы повиновались. Девочка вытянула руку с зажатой в ней коробочкой – наши лица при этом отразились в блестящей поверхности предмета, как в зеркале.

– Огромное спасибо за ответы, мистер Холмс! Я вышлю вам фото сегодня чуть позже! Они будут здесь, на столике! А может быть, и экскурсию на планету Тарарам удастся для вас с мистером Уотсоном устроить! До новых встреч!

Аня нажала на какую-то кнопку на поясе и исчезла.

Я стоял и моргал.

– Холмс, вы не поверите, мне приснился такой странный сон!

– Бросьте, Уотсон, мне он тоже приснился, – отозвался Холмс, – значит, в какой-то реальности мы с вами – всего лишь литературные персонажи? Это нужно осмыслить... – Холмс вновь сел в кресло и начал набивать трубку. Его движения были неточными, табак чуть-чуть просыпался на столик.

За окном бодро чирикали воробьи, ветер почти прекратился, но дождь по-прежнему мерно барабанил по карнизу.

– И всё-таки, Холмс, я полагаю, что нам всё это привиделось. Возможно, на наши мозги воздействовала какая-то новая, неизученная бактерия. Это бред, одинаковая галлюцинация...

Холмс остановил мои рассуждения одним жестом – указал на столик.

Там внезапно – буквально из воздуха – возникли какие-то картонки. Я осторожно приблизился к столику и взял картонки в руки. На картонках были изображения: мы втроем – Холмс, девочка Аня и ваш покорный слуга, доктор Уотсон.

Внизу вновь задребезжал колокольчик.

– Мистер Холмс, доктор Уотсон! – позвала миссис Хадсон.

Я выглянул из гостиной.

У дверей переминались с ноги на ногу два мальчика в странных костюмах.

– Итак, я полагаю, что вы – Вовка и Мишка из третьего «В»? – обратился к ним Холмс.

– Да! – хором выкрикнули мальчики.

– Холмс, но откуда вы?! – потрясенно пробормотал я.

– Это же элементарно, Уотсон! – вздохнул мой друг, пропуская в гостиную делегацию из двадцать второго века.

Командная игра «Четыре грани – 3». 3 этап

И лес превращается в море

Джон Маверик

Иногда, возвращаясь домой с работы, я играю сам с собой в странную игру. Вдруг на середине пути замедляю шаг, смотрю, чуть сощурившись, и притворяюсь, что заблудился. Сумерки разливаются вокруг, тихие и густые, пожирают поселок, лес, озеро за лесом, оставляя лишь тусклую жемчужную полосу в темнеющем небе. На слабо освещенных улицах – ни души. Мир окутан туманом, нередким в наших краях. Желтые фонари мерцают сквозь белесую дымку, словно огоньки далеких маяков в ночном океане. Формы, углы, расстояния – все скрадывается, изменяется, становится текучим и зыбким. Знакомые дома кажутся чужими. И живут в них не мои добрые соседи, а сказочные существа, герои и волшебники.

Я не знаю что это. Иллюзии, туманные миражи, игры усталого разума или реальная метаморфоза. Но я, действительно, теряюсь и не понимаю больше, куда иду. Плыву наугад в туманном молоке и ощущаю себя бездомным котом, осенним листом, соринкой, летящей по ветру. Кем-то очень маленьким и неважным, затерянным на просторах огромной Земли.

23

Я леплю из тумана причудливые фигуры, и все они – двери в неведомые миры. Сверкающий огнями остров. Воздушный шар. Лодку, плывущую в облаках. Собачью будку, деревянную, крепкую и настолько похожую на настоящую, что как будто слышу вдали хрипловатый лай, такой родной, что к горлу подкатывает комок.

Странной игре меня научил пятилетний сын Янек. А случилось это в последних числах не по-осеннему солнечного октября, во время воскресной прогулки к озеру. Обычно через лес Янек ехал у меня на плечах. Он быстро уставал, был слабым и болезненным. Зато смотрел на мир такими восхищенными и доверчивыми глазами, что рядом с ним я и сам чувствовал себя ребенком. На берегу я спускал мальчика на землю, и он резвился на траве, гоняясь за насекомыми, а утомившись, садился на ствол поваленного дерева и забрасывал меня вопросами. Он все желал знать. Почему у стрекоз крылья прозрачные, а у бабочек – разноцветные? Куда плывут облака? Откуда на дне столько листьев? И почему в море вода голубая, а в озере – желтая?

На море он побывал только однажды – в два года. Мы с женой вывезли его на недельку в Хорватию, чтобы немного оздоровить. Казалось бы, что можно запомнить в таком возрасте, когда человек еще не до конца осознает себя? Но

детская память цепкая. И Янек часто удивлял меня, вспоминая что-нибудь настолько неожиданное, что я терялся и не знал, что сказать. В общем, я как мог, объяснял сыну то и это, а потом мы просто молча сидели, слушая тишину. В лесу она – необыкновенная. Сонная, чуткая, пронизанная птичьим пересвистом, редким похрустыванием веток и протяжными вздохами ветра. Иногда Янек бросал в озеро камешки, стараясь, чтобы они не тонули сразу, а скакали по воде.

Денек выдался на славу. Теплый, но без июльского палящего зноя, он нежил и согревал до самого сердца, пропитывая душу солнечной яркой красотой. Хотелось раствориться в нем без остатка – в разноцветном кружеве листьев и в осенней прозрачности воды, в живой голубизне неба и тонких, словно вырезанных из папиросной бумаги облаках, в шорохах и запахах леса. Нежданно вернувшееся лето – пусть всего на один день, час, минуту – все равно драгоценный подарок уходящего года. И снова в лесной подстилке закопошились жучки. В древесных кронах встрепенулись птицы и запели на разные голоса. Выпорхнули из плотных зимних коконов обманутые солнцем бабочки. По озерной глади бесшумно скользила утиная семейка: пестрая утка и зеленоголовый селезень, а за ними, растянувшись цепочкой – пять выросших утят, почти не отличимых от взрослых птиц. Вся эта жизнь казалась такой хрупкой и одновременно красочной, как пронизанный солнцем витраж, что у меня защемило сердце. И Янек почему-то присмирел. Он не бегал и не смеялся, а тихо сидел у кромки воды, пуская в озеро желтые листья-кораблики.

– Пойдем домой, малыш, – сказал я и поднялся с поваленного ствола, отряхивая брюки.

Небо над горизонтом уже окрасилось в жаркие закатные цвета.

– Пап, – сын повернулся ко мне, выпустив из рук последний кораблик. – Давай посмотрим, как солнышко садится.

– Да мы уже много раз это видели, – возразил я.

– Ну, еще разок!

Я покачал головой, напуская на себя строгость. Но замешкался. Мне и самому не хотелось уходить.

Закат разгорелся в полнеба, похожий на далекий пожар. Озеро превратилось в огромное сияющее зеркало, но отражало только свет. В последней попытке удержаться над поверхностью воды солнце затопило все вокруг жидким

золотом. Лес – и тот, казалось, притих за нашими спинами, подернутый желтоватой дымкой.

Короткое осеннее лето закатилось вместе с солнцем. С озера потянуло холодом и напоз густой, промозглый туман. Он пах лесной сыростью, поздней осенью, долгими ноябрьскими дождями и ранними морозами. Я заторопился. Посадил Янека на плечи и вместе с ним нырнул под влажные кроны. В тумане и быстро наступивших сумерках я не видел не то что тропинки, но даже собственных ног. С деревьев капало. Я шел осторожно, стараясь не споткнуться о ветку или корень, и очень скоро почувствовал, что Янек дрожит. Я поставил малыша на ноги, потом снял с себя шерстяной свитер и закутал в него сына.

– Папа, мы заблудились? – пискнул Янек.

Хороший вопрос. Вообще-то, по лесу я могу бродить хоть ночью, хоть с закрытыми глазами. Во всяком случае, до того дня считал, что могу. Обычно мой внутренний компас безошибочно приводил туда, куда нужно. Но сейчас, в тумане, он почему-то отказал. И я растерялся.

– Заблудились? Нет... Не знаю. Погоди, Янек, дай подумать, – произнес я, потерянно озираясь.

Из тумана торчали рыжие ветки, стволы и верхушки кустов, а ниже клубилась сероватая муть.

– Папа, я замерз, – пожаловался сын. – Хочу туда, где тепло! Хочу на море!

– Какое еще море, что ты придумал?

У малыша иногда возникали в голове странные идеи – причем нередко в самый неподходящий момент.

– Смотри! – сказал Янек и, вытянув руку, взял пригоршню тумана, покатав в ладонях, как снежок, а потом слепил что-то вроде ракушки. Сперва рыхлая, она на моих глазах загустела, слегка изменив цвет, и выглядела почти настоящей. Чуть розоватая, шипастая морская раковина жемчужно блестела, словно выстланная изнутри сияющим перламутром. Это казалось чудом, но мне было не до чудес. Больше всего на свете я желал одного – побыстрее очутиться дома, искупать малыша в теплой ванне и напоить горячим чаем. Впрочем, ребенком, наверняка, занялась бы жена. А я тем временем выпил бы что-нибудь согревающее. Прекрасные мечты, увы, так скоро им не сбыться.

– Что это?

– Смотри, папа! – настойчиво повторил Янек, и тут я увидел.

В тумане, как полярная аврора в северном небе, разгоралось пронзительно-синее зарево. Холод отступал, прячась в наших волосах, в складках одежды, в туманных ошметках, тающих в теплом воздухе. Таяли кусты и золотые силуэты деревьев, бледные звезды и тонкий лунный диск над нашими головами – эти призраки ночи, еще не до конца проявленные, стеклянные и хрупкие, парящие в сумеречном небе. Хлынул яркий свет, окончательно растворив тьму. Несколько минут – и мы с сыном оказались на пустынном пляже. В обе стороны, насколько хватало взгляда, простирался безлюдный берег. Впереди живописно голубело море. А сзади высились песчаные дюны, поросшие редкой травой и низкими кустарниками. Похоже на Фландрию. Или... Где мы, малыш, чуть не спросил я. Но запрокинул голову – в вышине сияло белое, нездешнее солнце. Неземное, странное, окруженное лучистыми радужными венчиками. Я смотрел на небо, прищурившись, пока не защипало глаза.

Что ж, подумал я, все правильно. Дети – пришельцы с других планет. И каждый ребенок видит солнце по-своему. А какое в небесах светило – таков и мир в его лучах. Мне в детстве оно виделось зеленым, а Янеку – белым. Мы разные. Но встретились на этом космическом перекрестке, чтобы поиграть в отца и сына.

В мире Янека солнце светило раза в полтора ярче нашего, земного. Но не жарило, не кусало, а обволакивало мягко, нежно, словно покачивая на ласковых волнах. Под ногами хрустел белый, как сахар, песок. Тоже не горячий, а приятно теплый. Я пригляделся: в нем поблескивали мелкие круглые камешки, похожие на жемчужины. Но прекраснее всего было море. Сверкая россыпью солнечных бликов, оно медленно и глубоко дышало и на каждом выдохе облизывало берег короткими синими языками.

– Красиво! – восхитился я.

– Правда, папа? Тебе нравится?

– Очень!

Малыш сиял от гордости. Стянув с себя вязаный свитер, доходивший почти до пят, он протянул его мне. Шерстинки еще хранили сырой холод осеннего леса и запах палой листвы. Я прижал свитер к щеке.

– Это – мое море, – сказал Янек.

– Знаю.

Я опустился на песок и погрузил в него пальцы. Настоящий. Не обманка, не туманный фантом. Интересно, он и на вкус – сладкий? Я не решился попробовать. Поднес к глазам блестящий камешек-жемчужину. Он переливался всеми цветами радуги – теплыми, яркими оттенками. Я бездумно перекачивал его в ладонях, согреваясь, успокаиваясь, прислушиваясь. О берег тихо плескались волны. Море говорило со мной на незнакомом языке. Сын лежал рядом, раскинув руки и глядя, как в сапфировом небе кружит ослепительно серебряная чайка.

Не знаю, как долго мы пробыли на этом пляже. Время текло лениво, а может, и вовсе остановилось. Но вдруг я словно очнулся.

– Малыш, пора домой! – я тронул сына за плечо. – Мама волнуется.

Янек нехотя встал.

27

– Жалко уходить. Здесь хорошо и тепло. А в лесу темно и холодно.

– Да, – согласился я. – Жалко. Но, видишь ли, сын. Иногда, чтобы попасть домой, надо пройти через холодный и страшный лес.

Янек кивнул, и мир белого солнца начал тускнеть, оплыл, как свеча и растаял. Снова нас обступил туманный лес. Но теперь впереди словно горела путеводная звезда. Невидимая глазу, она освещала путь сердцу. Я знал, куда идти.

Йоухикко
Ольга Зимина

Это случилось тем летом, когда маме посреди беспокойного предрассветного сна пригрезился домик в глуши.

– Да, да, да, понимаю, понимаю, понимаю, – бормотала она, проснувшись, – я всё теперь понимаю! Иду к тебе...

Мы с Улей проснулись и лежали в своей двухэтажной кровати тихонечко: Уля на верхнем ярусе, я внизу, и радовались, что мама не плачет. Если мама начинала плакать и раскачиваться взад-вперёд, это было очень страшно. Глаза её менялись, становились совершенно немамиными. Я думала – мама видит что-то прямо сквозь стенку, так пристально она вглядывалась в наши белые обои.

– Я не понимаю, не понимаю, не верю, что ты говоришь, не может быть...

– Она с папой разговаривает, наверное, – шептала я Уле.

28

– Я тоже так думаю, – отвечала сестра.

Мама общалась с папой подолгу – мы всегда успевали соскучиться и сильно проголодаться.

И вот как-то раз мама сказала, ни к кому не обращаясь – сама себе:

– Я слышала его голос, он нас зовёт. Едем в деревню.

– А что это такое... деревня? – спросила я Улю.

– Златка, как ты можешь этого не знать? Это же где домики и коровы. И ещё олень Серебряное копытце!

Жили мы в доме-башне, на двадцатом этаже. Сидя на подоконнике в обнимку с кошкой Ёлкой, я каждый вечер наблюдала, как гигантское розовое светило плавно погружается в лиловую гладь залива, а в сгущающейся тьме постепенно вспыхивают бесчисленные городские огни. Конечно же, я знать не знала слова «деревня».

И вот, буквально в одночасье, всё изменилось. Мама купила билеты и увезла нас в маленькое карельское село – там пустовала оставшаяся от деда изба.

Мы с Улей никогда ещё не видели таких крошечных домиков. Изба была тёмной; из щелей между брёвен выглядывали седые клочья мха. Высокое дощатое крыльцо сгнило – чтобы зайти в дом, нам пришлось перепрыгивать страшную чёрную яму.

На новом месте всё казалось непривычным – отсутствие ванны, слишком прозрачный воздух, желтоватое парное молоко, которое в первый же вечер принесла нам в подарок соседка тётя Анни...

От молока у нас с Улей скрутило животы, но мама этого не заметила. Она бродила по деревне, заглядывая во дворы. Открывала скрипучие калитки и кричала:

– Олечееек, ты здесь?

– Иди, иди отсюда, нету здесь никого, – ворчали старики и начинали оживленно разговаривать между собой на непонятном языке.

Мы с Улей догадывались, что они обсуждают нас – безумную маму, растерянных, кое-как одетых девочек-близнецов и задиристую Ёлку, которая ходила за нами по деревне, разгоняя врагов яростным шипением. Врагами были гуси – они считали себя хозяевами села и вид странных чужаков их крайне раздражал.

29

Конечно, никакого папы здесь не было – он благополучно жил в другом городе с новой семьёй. Мы были малы, но вполне сообразительны – догадываясь о маминой болезни, немного подыгрывали ей.

Например, говорили:

– Мам, мы побежим, поищем папу ещё за теми деревьями. Наверное, он там!

– Да-да, бегите! Конечно, он там... А я ужин приготовлю... Позовите его кушать... – бормотала мама и плелась домой, по пути забывая об ужине.

Как-то раз мы с Улей стояли и смотрели, как на цветущем лугу пасутся козы. За ними присматривал старик – седой, длинноволосый и длиннобородый, как волшебник из сказки. Он сидел на камне и что-то наигрывал на инструменте странного вида – вроде бы скрипка, но не совсем...

Старик заметил нас и поманил пальцем:

– Идите-ка сюда, чудесницы. Как вас зовут?

Нам понравилось слово «чудесницы», и мы решили не опасаться незнакомца.

– Это Злата, а я – Ульяна, – представилась моя бойкая сестра.

– Я – дед Арво, а это – йоухикко, – старик указал на свой инструмент. – Ну как, интересно? Можете поддержать, только осторожненько.

Уля взяла йоухикко. С виду это была простая деревяшка с тремя струнами и несколькими круглыми дырочками в корпусе. Мы по очереди попробовали провести по струнам горбатым смычком. Звук получился визгливым и скрипучим.

– Это не просто музыкальный инструмент, чудесницы. Он умеет вызывать оленя Йоухикко, который исполняет любые желания.

Мы переглянулись. Желание у нас было одно, и нам даже не нужно было его обсуждать: мы хотели, чтобы мама пришла в себя и перестала искать папу.

– Дедушка Арво, а как можно позвать этого оленя? – робко спросила я. – Нам очень нужно его попросить об одной вещи...

– Знаю, зайки, ваше желание... Оно хорошее, доброе. Что ж, позвать оленя можно, но сначала вы обе должны научиться играть на йоухикко... Ведь попросить оленя о помощи может только тот, кто умеет играть специальную волшебную мелодию. Вот приходите ко мне каждый день с утра, я вас буду учить играть оленью песню – карельский плач. А как научитесь, сходим ночью на озеро и позовём Йоухикко. Он знает эту музыку и обязательно выйдет к нам.

И мы начали учиться.

Каждое утро мы выскакивали из дому, едва за окном начинали свою переключку бодрые воробьи. На деревянном столике у крыльца всегда ждал завтрак – добрые деревенские бабушки на рассвете тихо приносили нам свои дары – баночки с козьим молоком, пухлые тёплые оладьи с мёдом, заботливо накрытые крышкой и укутанные платком, и маленькие горьковатые огурцы...

Перекусив, мы мчались на поле, к деду Арво. Он по очереди учил нас наигрывать на струнной лире мелодию, вызывающую чудесного оленя.

Ульяна опережала меня в игре на инструменте – любые знания и умения она схватывала на лету. Я очень старалась, но, как всегда, отставала, – йоухикко в моих руках хрипел и фальшивил. Довольно скоро мы начали немного понимать карельский язык.

На обед дед Арво доставал из сумки пирожки-калитки с картошкой или брусничным вареньем – их заботливо пекла для всех нас бабушка Васси, жена деда Арво. Мы ели сами и забирали еду домой – для мамы.

По вечерам дед пригонял стадо в деревню и шел с нами на берег озера. На закате оно выглядело таинственно: в прозрачной воде отражались мшистые валуны – казалось, что со дна глядят нам в глаза задумчивые древние великаны... Несколько раз мы видели убегающих оленей и с замиранием сердца спрашивали:

– Это он, дед Арво?

– Неее, погодите-ка маленько, – спокойно отвечал дедушка. – Наш Йоухикко появится в августе, когда небо будет сверкать северным сиянием. Тогда мы придем на берег и по очереди сыграем наш плач. И тогда олешка обязательно придёт!

Наконец, ближе к концу августа, мы научились играть мелодию и начали торопить деда. Мама почти ничего не ела, таяла на глазах – нужно было что-то срочно предпринимать.

31

– Сегодня пойдём, – как-то раз сказал Арв. – Погода подходящая, увидим сияние. Поспите немного, я к вам зайду вечером попозже.

Мы так и сделали – залезли на печь и сразу же заснули. Но, едва лишь наша покосившаяся калитка тихо скрипнула, мигом подскочили и выбежали на улицу.

– Идите, идите, поищите, да... – тихо пробормотала нам вслед мама. Она сидела в темноте у окна и раскачивалась, немного подвывая в такт: «Уммммм, уммммм, уммммм».

Вслед за нами из дома выскользнула кошка – ей явно не нравилось, что мы куда-то уходим глубокой ночью.

Дорогу нам освещал фонарик Арво, но можно было обойтись и без него – луна сегодня была огромной, яркой. Мы бежали по росе за дедом, пытаюсь скинуть сон, а кошка вприпрыжку догоняла нас и недовольно фырчала.

Наконец мы дошли до озера.

– Смотрите, чудесницы, вот это называется северное сияние, – тихо сказал Арво.

Небо переливалось цветными всполохами – лиловыми, изумрудно-зелеными, красными... Мы с Улей стояли молча, замороженные зрелищем. Дед Арво тем временем раскладывал на камнях соль для угощения оленя.

– Деда, давай играть, – наконец сказала я.

Мы начали по очереди водить смычком по струнам – сначала Арво, потом мы с Улей.

...И вот он появился – высокий красавец с ветвистыми рогами. Олень подошёл к рассыпанной на камне соли и застыл, изумленно и бесстрашно рассматривая нашу компанию. Ёлка немедленно кинулась ему под ноги с вопросительным мурчанием. Мне показалось, что она спрашивает:

– Ну что, поможешь нам? Вылечишь нашу маму?

Олень потянулся мордой к Ёлке и обнюхал её, пошевелил длинными ушами, полизал соль, а затем подошел к озеру и начал пить. Пил он долго. Мы с Улей передали инструмент деду и шептали, умоляюще сложив руки:

32

– Помоги нам, пожалуйста, милый Йоухикко! Спаси маму!

Напившись, олень качнул рогами, словно кивнул на прощание, и исчез. Мы ещё немного постояли у озера, отыскивая на небосклоне знакомые созвездия, а затем отправились в обратный путь.

– Дедушка Арво, а правда, что олень поможет нам? Он точно волшебный? Мама поправится, станет, как раньше? – спросила Уля с надеждой.

Дед вздохнул.

– Маму будут лечить. Завтра утром приедут ваши родные и отвезут маму к врачу. Доктор обязательно что-то придумает, ведь сейчас есть очень много новых лекарств...

Мы с Улей, не сговариваясь, остановились.

– Как же так, деда Арво? Ты нас обманул, что ли? – жалобно спросила я.

– Почему обманул? Я обещал показать оленя Йоухикко – и вы его увидели. Просьбу вы ему свою передали? – Да! Вот и всё. Остальное – это уже его

работа, не моя... Вы девочки большие, скоро в школу идти. Должны всё понимать. Вашу маму надо серьёзно лечить, тут нашему олешке одному не справиться. Но он обязательно поможет докторам, и ваша мама выздоровеет!

Утром к нам на машине приехали родственники – мамин брат дядя Дима с женой Ксенией. Они посадили безучастную маму в машину и увезли её в клинику. Улю, меня и Ёлку забрала к себе мамина сестра – тётя Яна. На прощание она по очереди обняла деда Арво, его жену Васси, соседку Анни и остальных тихих стариков, вышедших нас проводить:

– Как же я благодарна, что вы всей деревней присматривали за моими племяшками. И что нашли нас, сообщили... Мы ведь ничего не знали... Она заплакала.

...Снова мы жили в городе и по вечерам видели из окна светящийся мегаполис. Но дед Арво с той поры нередко приходил в наши сны, чтобы спеть свои протяжные карельские плачи.

Что я могу ещё рассказать? Мама вышла из клиники не очень скоро, но олень Йоухикко и в самом деле оказался волшебным... Он справился!

II. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь» – серия прозаических конкурсов с заданием спрятать в тексте название одного из заданных произведений.

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь». Конкурс второй

Не окончательно и не бесповоротно

svetaovan

Подруга опаздывала. И, как стало ясно из последнего звонка, опаздывала окончательно и бесповоротно. Её престарелый родственник непреодолимым обстоятельством переносил нашу встречу на неопределенное время. Пожилые дяди, тёти, родители недавно перестали мною восприниматься как похитители времени. Наверное, и мой переходный из пока ещё бодрого и молодящегося в размеренный, склонный к созерцательности возраст придавал моей лояльности оттенок не столько снисходительности, сколько терпеливого понимания. Как можно отказать старику в удовольствии вспомнить былое, в желании показать знакомые с детства – пусть обветшалые, но такие милые сердцу – мелочи, погрузиться в атмосферу будоражащих память запахов и звуков. Дядюшка – тот, ради кого можно перенести запланированную встречу!

«Не стоит беспокоиться, – нарочито беспечно произнесла я. – Всё в порядке! Я никуда не спешу. Найду тихое место, – и чуть не добавила язвительно: – у Черных камней. Там клёв лучше».

35

Щурясь и плаваясь от жаркого солнца, отыскала в скверике под тенью плотной стеной растущих кустарников пустую скамейку. Отлично! Подсаживаться к кому бы то ни было совсем не хотелось. Стала ждать.

На соседней скамейке сидел парень, который потягивал через соломинку холодный кофе. На противоположной аллее смотрительница парка с огромным чёрным мешком для мусора в одной руке и с телефоном в другой громко и деловито объясняла кому-то, что она тут всё как следует полила, больше поливать не надо. Аквавумен убрала мобильник в карман форменной одежды и, не расставаясь с мешком, ногой подвинула поливочный шланг в сторону цветочной клумбы. Затем между делом прогнала с газона пристроившегося было безродного пса.

Я достала телефон. Пролистала ленту новостей, получив порцию ожидаемого негатива. В надежде на то, что возможно просто не дошло уведомление о новом сообщении, одно за другим открыла все возможные приложения. Пусто. Никто не вспомнил меня за эти пятнадцать минут, которые я сижу тут в добровольной изоляции.

Парень, оставив на скамейке пустой стакан от кофе, испарился в маслянисто-жарком воздухе. Его место на пару минут занял другой – очевидно его двойник

– с таким же стаканчиком. Теперь на краю скамейки было два свидетельства о недавнем «пиршестве».

Мимо в обоих направлениях сновали люди и исчезали так быстро, что даже не успевали возбудить хотя бы минимальную заинтересованность с моей стороны. Ожидание было таким же вязким и тягучим, как жара.

Широко прошагал мальчик. Сейчас все, кто не старше тридцати, – мальчики. Высокий, кажется, симпатичный, – отмечаю про себя. Он уселся на ту самую скамейку с пустыми стаканами. Следом, чуть не бегом, девушка лет двадцати догнала его и плюхнулась рядом. Поссорились, думаю. Быть свидетельницей чужих размолвок совсем не хочется. Но и уходить некуда. Так что, молодые люди, простите! Я тут сидела!

Разговор тихий, невнятный. Мысленно затыкаю уши, переключаю внимание, чтоб не подслушивать. А она все время повторяет: «Что я сделала? Ну что я сделала?» Ах, этот проклятый вопль женщин всех времён! Беги, милая, беги от него со всех ног! Всю жизнь будешь оправдываться – просыпается во мне женская солидарность.

Но голос девушки звучит всё громче, театральной. Прохожие оборачиваются. Молодой человек пытается вставить слово в её тираду, чем распаляет её ещё больше. Теперь мои симпатии на стороне юноши. Беги, милый, беги от этой фурии! Не стоит она тебя, – просыпается во мне мать, душой болеющая за своего сыночка.

Нет, надо уходить самой.

Но тут возникает фигура ретивой поливальщицы. На этот раз с веником. Она бесцеремонно обходит занятую мною скамью и выметает из-под неё целый совок окурков. «Это не моё!» – беззвучно начала оправдываться маленькая девочка внутри меня, которую поймали за чем-то нехорошим. Но уборщица не поверила. Она несколько секунд с укором взирала на содержимое совка. А потом для закрепления результата ещё раз прошлась веником под скамьёй. Я чуть было инстинктивно не подняла ноги, но вовремя спохватилась.

А страсти у соседей достигли своего апогея. Теперь не сдерживаясь, кричал и он. Аргументы закончились, поняла я.

И тут случилось невообразимое: она замолотила его руками. Встала обессиленная, надела тёмные очки и быстро зашагала к остановке.

Я невольно скосила глаза в его сторону. Сидел подавленный. Встал и медленно прошёл мимо меня в том же направлении. Теперь я, не прячась, следила за ним. Пройдя ещё немного, он ускорил шаги. Потом побежал. Он бежал вслед за ней, пока я ещё могла различить его фигуру. Дальше уже воображение рисовало мне картину примирения. Он догнал, схватил её за руку. Она пытается сбросить эту руку. А он с силой притягивает её к себе. Обнимет. Целует заплаканные щёки. Как у них сложится, не знаю. И никто, наверное, не знает. Иногда, может, лучше, чтобы ничего и не было. Но сейчас... Пусть будет. Потому что нельзя, чтобы навсегда, чтобы окончательно и бесповоротно...

– Светик! – машет мне рукой подруга, которая вырвалась из плена любимого старенького дядюшки – дай ему Бог здоровья!

III. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Конкурсы рассказов.

Земля – Орион. Конкурсы миниатюр.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – б».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Отражения».

Земля – Орион – Минтака. Конкурсы 55-словников.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс фонаризов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов.

Конкурс объявлений.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Обманная страна»

Волшебная авантюра

Елена Картунова

Душа отяжелевшей, но сияющей красотой королевы, порхала. А слегка располневшее тело только добавляло будущей матери очарования и женственности.

– Я жду тебя, моё маленькое сокровище! Скорее приходи! – напевала она, любуясь прекрасным букетом цветов, только что принесённым садовником из дворцового сада.

– Мальчик! – щебетали опытные придворные мамыши... Девочки до рождения только портят красоту матери. А наша королева стала ещё милее. Значит, совершенно точно родится мальчик...

– Наследник! – сообщил королю маг. – Я видел первенца в хрустальном шаре.

– Сердцебиение мощное. Мальчик... по всем признакам, – заканчивая очередное обследование, подтвердил придворный лекарь. – Здоровяк родится!

– Ну что ж... прекрасно, – отозвалась королева. – Король будет очень рад наследнику. А девочку... я тоже когда-нибудь рожу. Во всяком случае здоровое и сильное дитя – это уже подарок судьбы. Представляю своего красавчика! – И молодая женщина одарила лекаря счастливой улыбкой.

– Конечно, конечно, – согласился смутившийся эскулап, покидая покои королевы и устремляясь по винтовой лестнице в рабочие апартаменты астролога.

– Ну что там звёзды пророчат? – спросил он, с трудом восстанавливая сбившееся дыхание.

Астролог какое-то время молчал, разглядывая свои записи и рисунки.

– Сложная картина складывается, – через некоторое время сообщил он. – Я до этого не сразу все детали углядел... Дело вот в чём... если в течение двух-трёх дней королева не разрешится от бремени, мальчик родится, мягко говоря... дохленьким.

– В каком смысле... дохленьким? – изумился эскулап.

– В самом прямом, – невозмутимо произнёс астролог, искоса поглядывая на растерянного товарища. – Родится слабым. И навряд ли выживет.

– Ты уверен?

– Мой друг, я всего лишь перевожу с небесного на человеческий. Что говорят звёзды, то и вещаю, – устало ответил предсказатель.

– Ужасная новость! Королева так ждёт первенца, так радуется!

И эскулап забежал по небольшой комнате, заставленной всевозможными замысловатыми приборами. Потом, немного успокоившись, нерешительно произнёс:

– Может, к нашему магу обратиться?

– Не смей! Что может магия против силы звёзд?! Ребёнок обречён.

– Я не об этом. Чародей... хотя бы роды сможет ускорить. Он же часто манипулирует пространством и временем.

40

– А у лекарей... снадобий подходящих нет, что ли? – осторожно поинтересовался астролог.

– Что ты! Сейчас подобными отварами можно только навредить здоровью матери и ребёнка.

– Ну... тогда, действуй, – согласился астролог. – Мне лично очень жаль королеву.

– Не то слово! – вздохнул эскулап, покидая товарища и направляясь в башню мага.

Кабинет чародея был освещён летающим сгустком света, который в зависимости от желания хозяина изменял цвет и яркость. В данный момент светящийся шар был похож на маленькое солнце. Он завис над головой мага, просматривающего какой-то свиток, и разливал яркий, но не агрессивный свет.

– Прошу прощения, Ваше Чародейство, – робко начал эскулап, пытаюсь угадать настроение грозного мага (тот был крайне непредсказуемым и взрывным). Потом, решившись, продолжил:

– Мне срочно надо обсудить важный вопрос. Сможете... уделить немного времени?

– Немного – это сколько? – недовольно буркнул маг, не отрываясь от чтения.

– Минут... пять, – неуверенно проговорил визитёр.

Маг что-то проворчал, отыскивая нужную колбу песочных часов и, перевернув её, впился тяжёлым взглядом в лекаря. А тот, поглядывая на струйку песка и покрываясь от волнения испариной, принялся торопливо излагать сложившуюся проблему.

Когда лекарь закончил, маг ненадолго задумался и... медленно произнёс:

– Значит, ускорить роды? М-да... Пока не приходилось. Но... сделаю, что смогу. Завтра дам знать.

На том и расстались.

А на утро следующего дня слуга принёс долгожданную весточку, в которой говорилось, что к вечеру должно всё начаться... Эскулап сунул бумажку в карман и тревожно заметался...

Был он молод и романтично влюблён в свою королеву... конечно, безо всяких надежд на взаимность (кто он и кто она... о такой красавице только мечтать можно... вот он и мечтал).

И хотя роды наш влюблённый и раньше принимал, но у королевской особы... и тем более, у обожаемой женщины... впервые. Потому и не находил себе места.

* * *

Незаметно день подошёл к концу. И когда заходящее солнце окрасило запад в нежно-оранжевые тона, у Первой женщины королевства действительно начались схватки. А к полуночи по дворцу разнеслись голоса:

– Девочка! У королевы родилась дочка! Да здравствует маленькая принцесса!

Ах, как счастлива была молодая мать! Такой подарок! «А мальчика я рожу в другой раз», – подумала она, любуясь своей малышкой.

После завершения необходимой суеты, и удостоверившись, что мать с ребёнком, находящиеся под надзором нянек и сиделок, чувствуют себя

превосходно, эскулап поспешил к астрологу в полной уверенности, что тот, изучая звёздное небо, ещё не спит.

– Девочка! Красивая, здоровая девочка, – сообщил довольный вестник с порога. – Представляешь какое чудо! Пол ребёнка каким-то образом изменился. Невероятно!

Астролог замер.

– Девочка? – тихо переспросил он и медленно добавил, – это плохой знак. Превращение мальчика в девочку ничего хорошего не сулит... Значит, тут дело не в звёздах, – принялся размышлять он вслух.

– Не понимаю, – насторожился эскулап.

– Сейчас поймёшь. – И астролог вытащил потрёпанную книгу предсказаний. – Читай пророчество! – И оба углубились в строчки текста.

– Что же делать?! – после непродолжительного молчания запричитал лекарь. – Надо королю рассказать о проклятии! Несчастливая королева! Бедное дитя!

42

– Не стоит, – возразил астролог. – Можно очутиться и на виселице. Разозлённому монарху просто необходимо будет на ком-нибудь отыгаться. К тому же тут дело не только в детях королевы, а в последующих событиях грядущего. И он принялся цитировать:

– День, когда мальчик превратится в девочку, станет последним днём привычной жизни, и воцарится хаос. А сама женщина будет рожать только уродов и безумных, ибо на неё наложено...

Но лекарь его уже не слышал.

– Я... я буду искать средство. Надо спасти обоих! – воскликнул он.

– Не смейся. Травки против проклятья? – криво усмехнулся астролог, решивший не развивать тему о глобальных изменениях мира. – Нет уж... Здесь только клин клином, колдовство против колдовства. Кстати... пусть чародей и объясняет всё королю. Это по его части. А сейчас иди спать. Утро вечера... сам знаешь.

* * *

– Почему вы мне сразу обо всём не рассказали?! – выслушав сумбурную исповедь лекаря, взревел монарх.

– Ваше Величество, мы раскаиваемся в содеянном. Но нашей вины в случившемся нет, – дрогнувшим голосом проговорил обычно суровый маг. – Каждый из нас только добра желает. Мы искренне хотели помочь. И нам... бесконечно жаль, что из-за кем-то наложенного проклятия королева не будет способна рожать здоровых детей. Если мальчик, то урод. Если девочка, то... безумная.

– Ещё бы! Как не сойти с ума, одномоментно изменив пол! – прорычал король.
– Кстати, откуда взялось пророчество?

– Из древней книги «Пророчества тьмы». Я сам переводил её, – поспешил ответить побледневший астролог.

– Не слышал о такой... А ты правильно понял предсказание? – сверкнул глазами монарх.

– О, да, Ваше Величество! Несколько раз уточнял.

– И что? Неужели нет выхода?! – Король готов был растерзать стоящих перед ним подданных.

– Ваше Величество, выход есть! – тут же торопливо проговорил маг. – Шанс есть всё исправить.

– И как? – немного оживился король.

– Но... тут такое дело... Королева с принцессой должны будут отправиться со мной... в Лунные горы, – осторожно начал чародей. – Эти горы пропитаны магией, и мне там легче будет попытаться снять вредоносные чары.

– О, боги! – Король от отчаяния застонал. Всё казалось страшным сном. Как же так?! Любимая жена! Малышка дочь! За что? Почему? Нет, он не вынесет разлуки... А мир? Мир подождёт. Надо любимых спасать. Может, маг действительно им поможет?

– Какова вероятность положительного исхода? – слабым голосом продолжил расстроенный муж и отец.

– Звёзды говорят, что через два дня вообще будет поздно даже думать о какой-то помощи, – еле слышно пролепетал астролог.

– Значит, хотя бы... ещё день они смогут побыть во дворце, – произнёс король потухшим голосом, жестом повелевая всем удалиться.

И троица, опустив головы, покинула своего повелителя.

А король ринулся в покои супруги. Он торопливо шёл, и в голове его мелькали противоречивые мысли о том, что в конце концов можно жить и без потомства. Родственников, претендующих на корону и трон предостаточно. Но как же дочь, прелестная принцесса?! Какая страшная судьба! А, может, ради наследника жениться второй раз, оставив первую жену в качестве наложницы?.. Нет! Бред какой-то...

Наконец, залетев в спальню жены, король бросился к любимой с объятьями. А та, и не подозревая о случившемся, в ответ расцвела счастливой улыбкой.

– Милая, – чуть не плача, прошептал убитый горем супруг. – Вам обеим... через день придётся покинуть дворец... Надеюсь, всё будет хорошо. – И голос его сорвался от подступивших слёз.

– Покинуть дворец? Зачем? – удивилась она, целуя мужа. Но тот ничего не мог толком объяснить, не решаясь испугать страшной новостью горячо любимую женщину.

Королева какое-то время вопросительно смотрела на супруга, ласково глядя его пышную шевелюру. Но так и не дождавшись вразумительного ответа, вдруг спокойно и уверенно произнесла:

– Всё действительно будет хорошо, дорогой... Похоже, ты сказок наслушался?

Король непонимающе взглянул в красивые зелёные глаза жены, в которых скакали лукавые искорки.

– Наша дочь – великий дар свыше, – мягко продолжила она... и поведала такое, от чего король тут же вызвал стражу и велел привести на допрос астролога и мага.

* * *

– Я... я всё расскажу, – висая в воздухе вниз головой, скулил астролог. – Это маг придумал хитрый план. Это ему понадобилась девочка. В ней же сил немерено! Он с её помощью хотел весь мир завоевать... Из пророчеств я узнал, что королева должна родить будущую великую волшебницу... Рассказал магу, чтобы подразнить его – вот, мол, соперница скоро появится... А он убедил меня изменить предсказание на ложное... Никакого превращения на самом деле не было. Все же думали, что мальчик родится. Даже лекарь ошибался...

– Хорошо... Понятно, что маг – зачинщик. А ты зачем ввязался в эту мерзость?
– допытывался король.

– А я... – замялся астролог.

– А он в королеву влюблён, – злобно прошипел безвольно висящий маг. – Я бы с ним королевой расплатился.

– Что?!! – рассвирепел монарх. Но королева успокоила супруга мягкой улыбкой.

– Ладно... Ещё что скажешь? – снова обратился король к магу, навсегда лишённому всех чародейских способностей. – Не рассчитал, что ради собственной защиты... девочка поделится своим даром с матерью?

Бывший маг отчаянно замотал головой, тараща налитые кровью глаза.

– Зачем надо было роды ускорять? – продолжал наседать король.

– Торопился. Боялся непредвиденной помехи, – прохрипел обвиняемый. – Прошу пощады!

45

– Пощады?! Да вас надо голодному дракону скормить! – зарычал король. – Хотя... не хочу сегодня портить себе день, – уже более спокойно произнёс он и обратился к жене, держащей в руках мирно сопящую принцессу, над которой порхали мотыльками лёгкие, прозрачные сны:

– Любимая, можешь отпустить эти жалкие тушки. А то болтаются перед глазами, как мешки. Ни маги, ни астрологи нам теперь не нужны. Пусть проваливаются.

И заговорщики неуклюже рухнули на пол. А стража, вытолкнув злополучную парочку за ворота дворца, проводила их до границы королевства.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Дух противоречия»

Ночь синей луны

Джон Маверик

О том, что Агнешка «помогает», я узнал от соседки с первого этажа – улыбчивой мамы двух пятилетних карапузов-близняшек. Именно так она и сказала, случайно встретив накануне мой затравленный взгляд, когда я сбегал утром вниз по ступеням и остановился, чтобы перевести дух, перед наружной дверью – не лечит, не ворожит, не колдует или заговаривает, не отводит беду, а «помогает». Кому? В чем? Как? Соседка не ответила, а лишь пожала плечами, посмотрев на меня – как мне почудилось – с осуждением. В то утро я вышел из квартиры, не успев нацепить на лицо вежливую улыбку. А точнее, у меня просто не осталось на это сил. Боль изматывает, даже физическая, а душевная – тем более. От нее не выпьешь таблетку. О ней не расскажешь первому встречному. Да и вообще никому не расскажешь, потому что никто не хочет слушать про чужую боль.

46

Был выходной, суббота, и я шел, сунув руки в карманы, не замечая ни теплого ветерка, ни робких солнечных лучей, гладивших мои руки. Август щедро разбрызгивал вокруг последние капли летнего зноя. Они горели жаркими искрами в волосах прохожих, отражались от их гладких щек, рук и обнаженных плеч. Падали на газоны – и становились цветами. Ромашками, колокольчиками, бархатцами, огненными язычками настурций... Сверкали в изломах водосточных труб. Я щурился, смаргивая с ресниц радостное многоцветие. От яркого света болели глаза. Почему-то хотелось зимы, холода, и чтобы люди жались друг к другу, как озябшие щенки. Я бы тоже прижался хоть к кому-нибудь, дарил и впитывал тепло – и нам вместе стало бы хорошо и уютно.

С оживленной улицы я свернул в парк и медленно побрел по кленовой аллее. Пятипалые листья кленов от солнца казались осенними – золотистыми и прозрачными, как витражное стекло. Я зачем-то кивал мамашам с детьми и здоровался с собачниками, притворяясь, что очарован их питомцами. Болонки, шпицы, колли и пекинесы, и Бог знает, кто еще, счастливые и гордые, носились по дорожкам – так, что хвосты и уши летели по ветру, и душная пыль клубилась столбом. У собачника – широкая душа. Он тебя искренне поприветствует и даже перекинется с тобой парой слов. Но лишь в одном единственном случае – если ты понравишься его любимцу. Я не нравился ни одному псу. Косматые и хвостатые зверюги сторонились меня, прижимали уши и рычали, а собачьи хозяева презрительно морщили носы.

Бывает, потянешься взглядом к кому-то и вдруг почувствуешь что-то родное, словно брата или сестру по несчастью встретил и хочешь обнять. И нет, это не о пресловутых «половинках». А как будто вы двое голодных, разломивших один кусок хлеба. Я дошел до конца аллеи, и там, в тени старого клена, сидела на скамейке тонкая, грустная девушка. Ее прическа напоминала аккуратно подстриженный куст, из которого уже проросли и торчали во все стороны молодые ветки. Кончик носа покраснел. Она комкала на коленях листок бумаги – вероятно, какое-то письмо – и как будто плакала. Однако, когда девушка подняла на меня глаза, я увидел, что они воспаленные, но сухие. Ну что за мир, подумалось мне, мы так боимся показать свою печаль, что даже плачем без слез. Я опустился рядом на скамейку, не слишком близко – чтобы не испугать незнакомку. Но она все равно отодвинулась – инстинктивно, не глядя на меня. Нет, я ничего особенного не хотел. Просто подумал – я выслушаю ее, и, может быть, потом она выслушает меня. Казалось бы, малость. Но ведь это такое облегчение, хотя бы ненадолго ощутить, что ты не один. Что кто-то сидит рядом, кивает, сочувствует, понимает.

– Что с вами? – спросил я тихо.

Девушка отшатнулась, что-то прошипела сквозь зубы, как напуганная кошка, вскочила со скамьи и побрела, спотыкаясь, назад по кленовой аллее. Я оторопело смотрел ей вслед, пытаюсь осознать, что я сделал дурного? Или я такой страшный, что от меня шарахаются люди? От этой мысли мне сделалось совсем плохо, даже голова закружилась. Вот тогда я и вспомнил про Агнешку. И слова соседки: «Она помогает». И решил, почему бы и нет, ведь не съест же она меня, в самом-то деле?

Агнешка была старой, горбилась, словно на плечах у нее лежал тяжелый груз, косила круглым глазом, ходила с палочкой. Жила она в нашем доме, в мансарде под самой крышей. Ходила и зимой и летом в одной и той же темно-серой хламиде и только в особенно холодные дни накидывала поверх нее каракулевый полушубок. Как ни странно, жильцы нашего дома ее уважали и даже по-своему заботились. Открывали перед ней двери, иногда покупали в магазине кое-какие продукты. Не помню, чтобы Агнешка хоть раз с кем-то поздоровалась. Но ее приветствовали вежливо и охотно. В памяти всплыл соседкин совет, данный как бы между прочим: «Если пойдешь к ней, захвати с собой какой-нибудь каши».

Я удивился, но так и сделал. Вернувшись домой, наварил целую кастрюлю пшенки, поел сам, а остальное переложил в чугунок, и, обернув полотенцем, понес его Агнешке. По правде говоря, я никогда раньше не обращал на нее внимания, не разглядывал ее и, вообще, сторонился. Теперь, когда она стояла передо мной на пороге своей каморки, я поразился молодости ее лица,

гладкого, без морщин. Нос как птичий клюв. Волосы не седые, а сизые, отливают слегка в синеву и в зелень. Чудная старушка.

– Да? – спросила она без всякого выражения.

– Я... это... кашу принес, – ответил я, запинаясь, и протянул ей чугунок.

– Прекрасно! Заходи, – кивнула Агнешка и посторонилась, впуская меня в квартиру. – Какая каша?

– Пшенная.

– Хорошо, – похвалила она.

Первое, что бросилось мне в глаза, это как много в квартире находилось голубей. Они бродили по полу, по мебели, сидели и чистили перышки на шкафах и на люстре. Весь линолеум, полки, плита на кухне – все было в голубином помете.

– Давай сюда кастрюлю и садись, – велела Агнешка.

48

Я сел на относительно чистый стул рядом с более или менее чистым столом. Старушка положила себе пшенки в тарелку, а остаток разложила по мискам и расставила на полу, жестом приглашая птиц к трапезе.

Я невольно пожал плечами. Чужое безумие всегда выглядит немного дико и пугающе и возбуждает нездоровое любопытство. Хочется или убежать, или расспросить человека, понять, какие шестеренки и колесики крутятся у него в голове. Я подумал, что Агнешка угостит меня кофе или чаем... ну, или минералкой на худой конец. Не то чтобы мне хотелось пить – тем более, среди этого курятника – но стакан или чашка в руке помогают расслабиться. А я нервничал, настолько, что начал заикаться.

– А з-з-зачем...

– Это мои братья и сестры, – пояснила старушка, ласково кивнув на клюющих пшено голубей, и спокойно принялась за еду.

– Понимаю, – сказал я, хотя на самом деле мало что понимал.

Мне она ничего не предложила. Только посматривала – остро, живо, искоса. Не подозрительно – она, очевидно, не ждала ничего плохого, а с ленивым интересом.

– Тебя что-то мучает, – заметила она, как бы между прочим.

Я воодушевился.

– Да! Да, мучает. Я расскажу, если вы не против. Это случилось... со мной... не так давно. То есть... – я смутился и опустил глаза, чувствуя, как предательски бледнеет мое лицо.

– Не надо, – остановила меня Агнешка. – Ничего не говори. Это личное. А я тебе никто. Ты, Ежи, что, сирота?

Я затряс головой, изумленный, что она знает мое имя.

– Нет.. нет... Боже упаси. Но иногда самые близкие ведут себя как самые чужие.

Мы замолчали. Она ела кашу, необычно выворачивая локоть, а я разглядывал ее руки, одну – лежащую на столе, странную, четырехпалую, и вторую, цепко, по-птичьи, обхватившую жестяную ложку. Мне вдруг пришло в голову, что Агнешка вовсе не старая, а просто – другая. Это, как экзотическая болезнь или чудо природы – что-то за пределами возраста.

– Не понимаю, – произнес я беспомощно. – Неужели так трудно выслушать человека и сказать несколько добрых слов? Слова не стоят денег. А все трясутся над ними, как будто вынимают из своего кошелька. Нищему охотнее подадут мелочь, чем несчастному – слово утешения.

Агнешка хмыкнула.

– Дух противоречия. Люди знают, как правильно и хорошо. Но делают наоборот. Вместо того, чтобы обнять – отталкивают. Вместо сочувствия – осуждают. Их призывают к открытости – а они замыкаются в себе. Но я могу тебе помочь. Вернее, не я. Ты сам себе поможешь.

Вот оно, то, ради чего все затевалось, подумал я и наострил уши.

– Сегодня – ночь синей луны, – сказала Агнешка и поскребла ложкой по дну тарелки. – Небо ясное, значит, будет много света. Будет волшебство. Приходи, как стемнеет, на полынный пустырь и приноси свою ношу. Там ее и оставишь.

– Но как? – спросил я. – И где это вообще?

– Увидишь, – ответила она коротко и поставила пустую тарелку на пол. На дне посуды еще оставалось немного крупинок, но голуби их тотчас же склевали.

Я знал пару пустырей за городом, но, если и бывал на них когда-нибудь, то не запомнил, что там растет – полынь или какая-то другая трава. Так что я не очень хорошо представлял себе, куда идти. Меня вела луна. Непривычно огромная, тонкая с виду, словно вырезанная из листа бумаги. Такая луна-обманка, подсвеченная с оборотной стороны ослепительно белым фонарем. Из-за черных облачных ошметков, то и дело наплывавших на нее, она выглядела прокуренной. Она отражалась от крыш – и сама становилась отражением. Зато над полынным пустырем воссияла во всей красе.

Конечно, не синяя, а бледно-голубая, она горела свободно и ярко. На ней четко выделялся рельеф – горы, моря и кратеры, которые снизу казались носом, ртом, глазами... Круглое лунное лицо смотрело внимательно и печально. Ее свет, тоже голубоватый, стекал в белый туман, клубящийся над равниной. Как будто сливались воедино две реки – серебряная и лазурная – постепенно растворяясь друг в друге. Одна струилась по земле, другая – призрачным водопадом обрушивалась с небес. А вместе они порождали нечто настолько восхитительное и сияющее, что сердце замирало от восторга. И над этим волшебным пейзажем плыл горьковатый запах полыни.

50

Из-за тумана я не сразу заметил, как много на пустыре камней. Маленькие и большие, бесформенные, они возвышались, как островки, над дымчато-голубым озером. Облитые лунным молоком, они сверкали, точно драгоценные изумруды и сапфиры. Но я присмотрелся и увидел, что это обычные булыжники. А приносили их люди. Их зыбкие фигуры колыхались на краю пустыря, стекаясь туда со всех сторон. Медленно, очень медленно они приближались к туманному озеру, опускали на землю тяжелые камни и уходили налегке.

Я узнал грустную девушку из городского парка. Ее булыжник был так огромен, что у бедняжки не хватило сил его поднять, и она из скатерти соорудила волокушу. Так и тащила, пока не спихнула с берега в туман. Приметил я и Агнешку. Она с удовольствием плескалась в лунном свете, как птица в луже с водой. Все такая же всклокоченная, она сбросила привычную хламиду и топорила серые крылья, стряхивая с них невесомые серебристые капли. С изумлением я понял, что она и не человек вовсе, а обычный сизый голубь, выросший до необыкновенных размеров. Должно быть, жильцы раскормили его кашей.

У меня в руках тоже оказался серый, угловатый булыжник. Присев на корточки, я аккуратно погрузил его в туман – у моих ног особенно густой, уж

не знаю почему – и он утонул, а с ним – словно какая-то часть моей души пошла ко дну, неприятная, темная, ветвистая, как старый пенёк. Я с кровью и плотью вырвал ее из своего тела.

«Прощай, боль», – сказал тихо.

И вдруг – словно прозрел. Я увидел, что камни вокруг – живые. Они стонали, шептали, плакали и говорили на разные голоса. Они слушали и жалели друг друга. И я поведал им свое горе, а они мне – свое. Люди приходили и уходили, скидывая с плеч и сердец невыносимую тяжесть. И только я один стоял и разговаривал с камнями.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Утопия и антиутопия»

Черёмуховые руки

Ольга Зими́на

Странная у меня была блажь, конечно: мечта завести потомка. Понятно, что потомки есть у всех – здоровые совершеннолетние граждане обязаны ежегодно сдавать генетический материал...

Нет, я хотела не потомка, а ребёнка – мне всегда нравилось это устаревшее слово. Я мечтала жить с малышом в одной секции – растить его, носить на руках. Водить гулять...

Специалисту вроде меня – оператору соевых теплиц – положена жилая секция 10 метров: откидная кровать, держатель для саморазогревающихся готовых обедов, подставка под планшет. Безусловно, это удобное жильё, не на что жаловаться. Но разрешат ли мне выращивать в таких скромных условиях потомка? Малышу нужен отдельный робот-няня, а роботу придётся выделить отдельный угол...

52

Удивительно: где-то обитают маленькие человечки, выращенные искусственно из моих клеток! Первым из них уже должно быть по семь лет. Ещё семь – и они станут совершеннолетними, отправятся в армию – отдавать долг родной стране... Интересно: какие они? Похожи ли на меня? Кто их отец-донор? Думать об этом было немного тревожно.

А мне так хотелось своего, отдельного ребёнка! Я выросла в семье и знала, что такое возможно. Да, в детстве у меня были и мама, и папа... Хотя сейчас мне, конечно, мало кто верит – родители бесследно сгинули в одной из засекреченных командировок.

Выносить и родить ребёнка самостоятельно – дело очень дорогое, для избранных. Нужно иметь полную семью, а где же её возьмёшь? Я не знала случаев, когда мои сверстники желали бы с кем-то делить жилую секцию: совместный быт – это так неудобно!

В общем, родить самостоятельно я даже не рассчитывала: гораздо проще получить готового малыша из инкубатора.

Спросите, откуда у меня взялись такие глупые фантазии? Наверное, от предков.

Мои собственные родители за заслуги перед Отечеством были награждены правом на собственного ребёнка... А я? Какую услугу я могу оказать своей стране? Увы, у меня совершенно не было идей. Можно было бы, конечно, стать волонтером в космических исследованиях или участвовать – как мои родители – в опытах по проникновению в соседний параллельный мир... Но я боялась.

Да, увы, не унаследовав храбрости мамы и папы, я опасалась даже безобидного паука Геннадия, жившего на потолке моей жилой секции. Я радовалась, что паучок поселился у меня – всё-таки живая душа! – но никогда бы не заставила себя до него дотронуться... А в иных мирах, как известно, полно неведомых монстров.

Вечером ко мне иногда забегала подруга Стеша – тоже из редких в наше время «домашних» детей. Она отличалась невероятной пронырливостью и умением всюду видеть возможности.

– Глашка! – сказала она мне как-то, – а не хочешь поучаствовать в специальной экспериментальной программе «Семейное воспитание»?

– Не знаю... А что нужно делать?

– У тебя же есть маленькие потомки? До года?

– Кажется, трое, а что?

– Представляешь, сейчас в плане эксперимента можно взять одного потомка до года на воспитание. Жить он будет по-прежнему в своей секции, но ты сможешь его навещать по расписанию... Гулять с ним. Наши психологи предполагают, что даже инкубаторскому ребёнку необходимо регулярное общение с другими людьми. Теперь хотят проверить свою догадку, эксперимент провести.

– Ой, это интересно, наверное... Я бы попробовала. Но я-то хотела, конечно, чтобы потомок жил вместе со мной...

– Странные у тебя фантазии! – Стеша нахмурилась, – зачем тебе это? Ты же знаешь, что инкубаторские дети чаще всего используются в военных целях. Вот будешь ты жить с потомком, привыкнешь, а в четырнадцать его заберут в военный лагерь!

– Я знаю... Но до четырнадцати у нас с ним будет много времени. И потом, я смогу его навещать в лагере, наверное...

– Дело твоё, конечно, – подруга пожала плечами.

...Разрешение я получила неожиданно легко и уже через неделю готова была отправиться в гости к своему потомку.

Ночью накануне первой встречи я ворочалась на узкой койке, пытаюсь поудобнее свернуться клубочком. Неужели завтра я увижу маленького человечка, выросшего из моей клетки? Генетически – моего ребёнка? Так ведь получается? Сын, дочь... Понятия устаревшие, странные, но чем-то невероятно притягательные.

И ещё один нелепый вопрос волновал меня: зачем я нужна маленькому человечку? Существует ли какое-то качество, которое мне необходимо передать по наследству? Ведь не только же из желания поиграть с живой куклой я отправлюсь на первую встречу с мальчиком по имени Елисей Ремезов 3451?

Паучок Геннадий, почувствовав моё волнение, спустился на паутинке почти мне на щёку.

54

– Уйди, дурень, я тебя могу раздавить нечаянно! – пробормотала я. Сейчас я почему-то не испугалась своего многолапого жильца...

Дом, в котором жили дети, располагался не так уж далеко – всего лишь полчаса на флайкси. И вот я его увидела – моего генетического потомка. Сына.

Дверь открыл робот-няня – верхними конечностями он аккуратно держал пухленького сероглазого малыша. Тот что-то лопотал и сосредоточенно ковырял пальчиком сиреневые камеры робота, сделанные в форме человеческих глаз.

– Добрый день, Глафира проходите. Это ваш потомок Елисей, а меня зовут Ро.
– робот разговаривал вежливо, чопорно, словно слуга из романа викторианской эпохи.

– Лё! – чирикнул мальчик и звонко рассмеялся. Затем он удивлённо посмотрел на меня и, внезапно чего-то испугавшись, приготовился заплакать, – я почувствовала это интуитивно, на каком-то животном уровне.

– Ро, можно мне его взять на руки? – спросила я хрипловато. Слова застревали в гортани.

– Осторожнее, – робот передал мне ребёнка и мягко откатился в сторону.

Места в этой жилой секции было не так и много – всего лишь на метр-два больше, чем у меня.

Я прижала к себе мальчика – а он испугался и всё-таки заревел...

– Лё, Лё! – кричал он и тянул ручки к роботу.

– Тише, тише, сейчас пойдёшь к своему Лё, – шепнула я ему на ушко, – а давай, ты у меня будешь не Елисей, а Лёся? Малыш удивлённо прислушался к моим словам, затих, немного поразмышлял, а затем попробовал ткнуть пальчиком мне в глаз.

– Ай! Больно! – вскрикнула я – и вдруг осознала, зачем я здесь.

Я должна передать Лёсе по наследству нечто неуловимое, приобретённое от предков.

Я вспомнила отца. Он любил живых тварей и никогда не позволял причинять им боль. Его жалость распространялась даже на грызунов, попавших в безнадёжные клеевые ловушки: он старался бережно вызволить отчаянно пищущих зверюшек из смертельного плена и отпустить на волю подальше от нашей дачной секции...

Отец верил, что растения что-то чувствуют и могут испытывать страдания. Мама всегда говорила ему:

– Елизар, ну что ты за чудак у меня? – и без сомнений рвала черёмуху в парке Первопроходцев Венеры.

Отец мрачнел и просил:

– Пожалуйста, Дуся, не при мне! Ты же знаешь – я не могу на это смотреть.

Мой дедушка Серафим был лесным управляющим – в те времена на планете ещё существовали леса. В детстве он запрещал Елизару ломать ветки деревьев:

– Ветки – это древесные руки и пальцы, – внушал он сыну, – ты же не хочешь, чтобы злой великан пришёл и оторвал твой пальчик?

Я навсегда запомнила эти слова.

...На прогулках я рассказывала малышу про жизнь растений и насекомых – всё, что когда-то услышала от отца. Мы гуляли вдалеке от детской площадки, под старыми тополями, окаймлявшими какой-то секретный полигон. На наши плечи летел лёгкий ласковый пух – Лёся пытался поймать его на язык и заливисто хохотал. Иногда – после дождя – мы разглядывали извивающихся на газоне дождевых червей, а в сухую погоду наблюдали за комариной пляской в лучах заходящего солнца.

Как жаль, что на планете совсем не осталось бабочек! В моем детстве они ещё были, но и тогда увидеть их было непросто.

– Смотри-ка, шмель упал на спинку и не может улететь, – говорила я, – давай ему поможем! Осторожнее, не раздави!

Лёся задумчиво брал щепку и пытался перевернуть шмеля.

...Конечно, мне очень хотелось показать ему живую собаку – но лицензия на содержание животных в городе стоила очень дорого, пришлось бы организовывать специальную экскурсию в загородные секции, а для этого – брать специальное разрешение у дежурного психолога, долго и муторно объяснять, зачем мне понадобилось куда-то увозить потомка.

Незадолго до пятого дня рождения Лёси я пришла на приём к опекунше по делам потомков – хотела получить направление на совместное проживание с сыном.

Думаю, каждый знает такую даму: вечно осуждающие глаза и поджатые губы – ты начинаешь лепетать и оправдываться, ещё толком не зайдя в кабинет. Как только я озвучила свою просьбу о переводе Лёси ко мне в секцию, чиновница выпятила нижнюю губу и спросила деловым тоном:

– Площадь секции?

– Десять метров, – ответила я, уже понимая, что получу отказ.

– По новому закону вы не имеете право на проживание вдвоём с потомком на территории менее четырнадцати метров, – ответила опекунша механическим голосом.

«Честное слово, Лё – и тот больше похож на человека, чем ты», – подумала я с неожиданной злостью.

– А если я перееду в другую секцию? Я собираюсь в экспедицию, после которой буду иметь право на более просторное помещение.

– Возможно, после экспедиции мы пересмотрим решение. Сейчас мы не вправе выдать вам потомка для совместного проживания, – сухо проговорила дама, – вы по-прежнему можете навещать Елисея Ремезова по субботам с 15 до 19.00. Приём окончен.

Следующая ночь вновь стала для меня бессонной: я думала, и думала, и думала.

Что-то, наверное, идёт не так в этом идеально правильном мире? Почему кто-то решает за меня, могу ли я жить с ребёнком?

Впрочем, изменить в одиночку систему мне было в любом случае не под силу.

В межпланетную экспедицию меня не взяли – я не сумела пройти тест на психическую устойчивость...

...Временами, рассматривая мальчика, я пыталась понять: есть ли в нём что-то от меня? Или, например, от моих родителей?

57

И, увы, не могла уловить никакого сходства. Но однажды, когда Лёсе было уже лет шесть, я взяла его в старый парк Первопроходцев Венеры – побродить по дорожкам, подышать ароматом распускающейся черёмухи.

Гуляя вокруг пруда, мы увидели, как девушка лет пятнадцати срывает душистую белую гроздь. Лёся сморщился, схватился руками за голову и отчаянно выкрикнул:

– Что ты делаешь? Не ломай дереву лапки!

И в этот момент я вдруг увидела, как он похож на моего отца.

– Руки, Лёся, – прошептала я потрясённо, – ветви – это черёмуховые руки...

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Фотография»

Осенняя река
Джон Маверик

Слезы закончились еще до дня похорон – не столько выплаканные, сколько затвердевшие внутри – и, стоя над могилой любимой бабушки, Яна ладонью вытирала сухие глаза. Перед кем притворялась? Перед собой? Перед Богом? Так его не обманешь... А больше никто упрекнуть ее в жестокосердии не мог. Проводить старушку в последний путь Яна пришла одна. Не было у них на свете никого, кроме друг друга.

Впрочем, «любимая бабушка» – это не совсем верно сказано. Разве одна рука любит другую? Они по сути – единое целое. Так и Яна. Казалось, их с бабушкой души и судьбы переплелись так тесно, что не расплеть, не разрубишь. Точно два дерева – старое и молодое – сцепились корнями и ветками, питают друг друга и одновременно душат, сжимают тесно, не дают вздохнуть. И старое – конечно, сильнее. Тверже стоит, крепче давит, и в его жестких объятиях юный побег растет криво, кое-как, уродливо изгибается, изо всех сил стараясь глотнуть солнца.

58

Бабушка вырастила рано осиротевшую Яну, заменила ей и мать, и отца. Властная и строгая вдова превратила кроткую девочку в свою тень. «Если бы ты не была послушной, – говорила она позже, – я бы отдала тебя в детский дом, – и вздыхала притворно. – Я не в том возрасте – терпеть всякое безобразия». А «безобразиями» считалось что угодно. Бегать, громко смеяться, петь, приглашать домой друзей, одной гулять в парке, бросать одежду на кровать, оставить в раковине невымытую тарелку, задавать пустые вопросы, лениться, включать в квартире музыку, краситься, употреблять молодежные словечки... да много чего еще. Бабушка решала, с кем внучке дружить, во что одеваться, что читать, чем интересоваться, о чем думать.

И ладно бы только в детстве. Но чем сильнее вытягивался росток, тем удушливее становились древесные объятия. За взрослеющей девицей нужен глаз да глаз, приговаривала бабушка. А может, она просто до коллик душевных боялась старости и одиночества? Так или иначе, но своего она добилась. Две робкие внучкины попытки устроить личную жизнь закончились ничем. И Яна махнула на себя рукой, закрыла глаза – и так, вслепую, дрейфовала по течению, из юности в старость, из вчерашней девчонки-старшеклассницы превратившись в бабушкину подружку. Сразу после работы она бежала домой, хлопотала по хозяйству, прибирала квартиру – старушка была помешана на

чистоте – готовила, читала вслух, смотрела за компанию тупые сериалы. Годы проходили в тусклой суете. А потом бабушка умерла.

Яна вернулась домой, и знакомые запахи, как верно ждущие собаки, бросились ей навстречу. В квартире пахло лекарствами, ванилью, хлоркой, старостью... Но в воздухе витало еще что-то, какое-то ощущение, даже не обонятельное, а совсем эфемерное, тонкое, едва уловимое. Точно зловещая черная дыра на месте сгоревшей звезды, в комнатах разрасталась пустота. Как жить в мире без бабушки Яна не знала. Не умела. Никто ее не научил.

Она сидела за кухонным столом, листая старый фотоальбом, увесистый, в толстом кожаном переплете. Жаль, надпись на обложке почти стерлась. «На память...» От кого? Кому? Больше и не узнать. Сколько Яна себя помнила, альбом стоял в гостиной в застекленной полке, и ей – тогда еще маленькой девочке – очень хотелось его посмотреть. Но бабушка не разрешала. А после и не хотелось уже... Он сделался таким же скучным и ненужным, как покрытый кружевной салфеткой телевизор, или диванный столик с неизменным букетиком засушенных цветов в керамической вазе, или тумбочка для видеокассет. И только теперь, когда бабушки не стало, Яна решила бросить взгляд на ее жизнь. На ту ее недоступную часть, что, как айсберг водой, скрыта была плотной толщей времени.

От конца альбома к началу, с каждой фотографией – бабушка молодела. Разглаживались глубокие морщины на лбу, темнели, завиваясь мягкими локонами, волосы, в глазах разгорался озорной огонек. Одновременно – выцветали краски, до черно-белой, а потом и до желто-коричневой гаммы. Истончалась бумага, обламываясь по краям. Она казалась обгоревшей и от прикосновения рассыпалась. Годы оставили на ней уродливые пятна. На этих последних, поврежденных временем снимках стояли или сидели с серьезными лицами какие-то другие, незнакомые Яне люди.

Кое-где, на черно-белых фото, появлялся дедушка – смуглый и немного похожий на цыгана. Яна знала его по большому – и единственному – портрету в бабушкиной спальне. Острые, выпирающие скулы, темные глаза и длинные, свисающие к уголкам рта усы. Взгляд колючий, недобрый, от которого мурашки бегут по спине. Напряженная поза... Неужели бабушка его любила? Впрочем, по фото трудно судить человека.

Яна уже собиралась закрыть альбом, когда ей в руки выпала фотография. Глянцевая, цветная, как будто современная, но... На ней совсем юная бабушка стояла в обнимку с голубоглазым парнем. Оба смеялись, счастливые, беззаботные, как дети. Им на волосы с туманно размытой березы на заднем плане падали желтые осенние листья, сверкали, будто солнечные блики, вечно

парящие, навсегда зависшие в прозрачном до голубизны воздухе. «Что это такое? И где снято?» – задумалась Яна. Похоже, в каком-то лесу или парке. Может быть, даже в ближайшем отсюда. Чуть помедлив, она встала и подошла к окну. Стоял необычный для октября погожий день. Плоские крыши домов блестели на солнце. А дальше, за автобусной остановкой, рыжая громада лесопарка тянулась до самого горизонта. Прозвучит странно, однако Яна никогда там не была. А как приятно, наверное, пройтись по шелестящим дорожкам, подышать осенью, посидеть на скамеечке с книжкой на коленях. Но бабушка и слышать не хотела о том, чтобы отпустить туда внучку, а на ее просьбы пойти погулять вместе всегда отвечала отказом. «Нечего там делать! В этом парке – сплошное хулиганье, – шипела она, и в глазах ее, в самой их глубине, плескались зловещие тени. – Ко мне однажды такой пристал – еле убежала!»

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Яна обходила парк десятой дорогой. Уж если к бабушке там пристают хулиганы, то что же это за место такое? Содом и Гоморра, не иначе! С другой стороны, сколько ей было лет тогда, возможно, не больше, чем Яне сейчас. Девчонка, молодая, неопытная... и что там произошло, одному Богу известно. Может, и ничего ужасного.

60

Но, как бы то ни было, а бабушки больше нет. Запрещать, пугать и сокрушаться теперь некому, и Яна может идти куда угодно. Давний страх развеялся, как вчерашний сон. Сквозь растерянность и горе стыдливо пробивались какие-то новые ростки. Словно тяжелое пальто сбросила с плеч, и стало легко, распрямилась спина, летящей сделалась походка – и пустота уже не казалась такой гнетущей. Яна торопливо оделась и вышла из дома.

Осеннее солнце светило ярко, но, как и бывает обычно в октябре, почти не грело. Яна запахнула куртку и погрузила озябший подбородок в кусачий вязаный шарф. Солнце-обманка, точно золотой поплавок, купалось в небе, то погружаясь в лохматые тучи, то выныривая в хрустальную синь.

По парковым дорожкам слонялись пенсионеры и бодро вышагивали какие-то туристы в кроссовках и с палками для ходьбы. Родители выгуливали детей, а собачники – собак. Пахло влажной землей, грибами и прелыми листьями. Возле детской площадки маячил закрытый киоск мороженщика. При одном лишь взгляде на него Яне вдруг до дрожи захотелось сладкого. «Мороженое – нельзя, – шепнул ей в ухо язвительный бабушкин голос. – От него толстеют! Кому ты нужна будешь, жирная уродина?»

«Себе! – мысленно возразила Яна. – Хоть тощая, хоть жирная, хоть какая!»

От собственной дерзости захватило дух. Но бабушка все равно не могла ей ответить. А людям в парке и подавно не было до нее никакого дела. Поглощенные собой, друг другом, своими детьми и собаками, они и не смотрели на худенькую темноволосую девушку в черной нейлоновой куртке и нелепых ботинках.

«Я молодая, мне нет еще и тридцати, а одета, как старуха», – подумала Яна смущенно.

Пусть! Осень не насмехалась и не осуждала. Стелила ей под ноги драгоценный ковер, точно какой-нибудь королеве.

Сглотнув слюну, Яна пошла дальше по усыпанной палой листвой аллее – в ту часть парка, где не было отдыхающих. Там царил особая листопадная тишина, чуткая к каждому шороху, пронизанная шелестом невидимых паутинок, отзвуками птичьих голосов и легкими касаниями ветра. Опустившись на скамейку, Яна закрыла глаза и погрузилась в сладкую полудрему, в сон наяву. Сквозь ресницы сочилось осеннее солнце.

– Привет! – отчетливо произнес совсем рядом энергичный мужской голос. – Будешь мороженое? А то купил, а есть передумал.

61

«Где купил? – захотелось спросить Яне. – Киоск же закрыт!»

«Да и кто ты, вообще, такой? – чуть не сорвалось у нее с языка. – Мы что, друга знаем?»

Но, подняв глаза, Яна онемела. Она, вообще, забыла, что собиралась сказать. Потому что перед ней стоял, улыбаясь, высокий голубоглазый парень с бабушкиного фото и протягивал ей сладкий рожок.

– Спасибо, – сказала она и взяла мороженое.

Приятный холод окутал небо, а вкус... такое, наверное, едят в раю. Из чего только оно сделано? Уж точно не из молока, сахара и сливок. Из нектара полевых цветов? Из тумана над озером? Из медовой росы? Или из всего этого вместе?

– Пойдем, погуляем? – предложил парень, и Яна послушно поднялась со скамейки.

Он не спросил, как ее зовут, и не представился сам.

Двое медленно брели – рука в руке – по хрустящей аллее. «Я еле убежала! – визгливо кричал Яне в уши бабушкин голос. – Беги!»

«Отстань, бабуль, – отмахнулась Яна. – Не хочу я никуда убегать. Я только-только ощутила вкус жизни. Мне нравится это приключение. И тебе нравилось. Я же видела – ты сияла, как майский день! Так что было не так? Чего ты испугалась?»

Она и не заметила, как парк неуловимо изменился. Исчезли лавочки. По обеим сторонам дороги возвышались странные, нездешние деревья. Воздух – и тот, казалось, загустел, стал желтоватым и вязким, как лимонное желе. Или как фон на старой фотографии. А затем путь им преградила черная река.

Вода, темная, как безлунная ночь, текла бесшумно и быстро, закручиваясь у берегов в чернильные воронки. Так, что даже смотреть в нее было жутко. Казалось, упадешь взглядом – и больше не вынырнешь, унесет на дно. У Яны закружилась голова. В черной реке звездами сверкали палые листья. И билась о деревянный причал тупоногая весельная лодка.

– Покатаемся? – спросил парень.

62

– Ты что, Харон? – онемевшими губами едва выговорила Яна.

Парень усмехнулся.

– Разве эта река похожа на Стикс?

– Вообще-то, да.

Он уже стоял в лодке и протягивал ей руку.

– Смелее!

Зажмурившись, Яна шагнула вперед – к нему, и покорно опустилась на низкую скамью.

– Это не Стикс, – сказал парень. – Ты ошибаешься. А я не Харон. Это осенняя река. Слышала про такую?

Яна пожалала плечами. Лодка вздрогнула под ней и вдруг понеслась, легкая, как щепка, подхваченная стремительным течением. Замелькали светлые и темные стволы. Облака и ветки над головой пустились вскачь.

– Нравится? – улыбнулся не-Харон.

Яна кивнула.

– Все как будто в сказке.

– Мы и есть в сказке.

– Куда мы плывем?

Парень улыбнулся еще шире.

– Осенняя река может принести нас в любую точку вселенной. Куда ты хочешь?

Какие у него все-таки удивительные глаза, точно в полусне подумала Яна, ласкают, обволакивают... Их синева, как полуденное небо, такая горячая, что душу прожигает насквозь.

– А на... Марс можем попасть?

63

– Почему нет? – рассмеявшись, не-Харон поднял весло.

– Но не такой... не безжизненный... – торопливо поправилась она. – А как в рассказах Брэдбери. Загадочный и цветущий. Марс, где живут смуглые и золотоглазые люди.

– Как скажете, мадемуазель!

Посреди черного, как гудрон, потока он уже разворачивал лодку, направляя ее в узкий правый рукав.

– Нет, нет! – спохватилась Яна. – Не надо на Марс. Давай поплывем туда, где все счастливы и любимы. И где каждый живет, как хочет, а не как нравится другим.

– Отличный выбор! – воскликнул не-Харон и налег на весла.

Желто-оранжевые листья кружились, как лепестки огненных цветов, влекомые попутным ветром, летели за лодкой. Яна словно очутилась в странном закатном раю. И в этом грустном пожаре сгорало дотла ее прошлое.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Душа в пятках, или Обувная сага»

Свет в замочной скважине

Джон Маверик

Не каждый может похвастаться счастливым детством, и я, увы, не из числа этих баловней судьбы. Я терпеть не мог свой родной дом. В нем жили холодные люди, замкнутые сами на себе. Да и весь он – с кафельными звонкими полами и белыми стенами (нарядный цвет, говорила мама, но мне он не грел душу), с каким-то нетворческим беспорядком в похожих друг на друга комнатах вызывал желание уехать куда-нибудь на край света. Окружен он был участком – наполовину забетонированным, наполовину засыпанным галькой, на котором любая зелень – кроме двух чахлах кустов смородины у самого забора – безжалостно истреблялась. Зачем? Не знаю... Я любил эти травинки, растущие сквозь камни.

Но особенно пугал меня подвал – даже в разгар лета настолько промозглый, что лишь чудом не плесневел, с одним крошечным, решетчатым окошком под самым потолком, а также зачехленными трубами, толстыми жгутами проводов и пустым плафоном вместо лампочки на потолке. То есть, «пугал», наверное, неправильное слово. Точнее, он наводил на меня смертельную тоску, почти на грани клаустрофобии. Казалось, не существовало на свете места более отвратительного, безрадостного, темного. Разве что какая-нибудь средневековая тюрьма. К счастью, спускаться в него мне приходилось редко. Иногда отец просил принести что-нибудь из инструментов, например, отвертку или пассатижи. В подвале находилась его мастерская. А еще мама держала под стеллажами ящик с картошкой и время от времени посылала меня за ней, пока проникшая в подземное царство крыса не обкусала все корнеплоды. После этого ящик перекочевал на кухню, а дверь в подвал пару недель держали открытой, чтобы туда могла свободно ходить кошка. Предполагалось, что она изловит коварного грызуна и, вообще, наведет в папиной мастерской порядок. Понятно, что крысы отвертки не едят, но и выгребать из всех углов крысиный помет никому не хотелось. А меньше всего – мне.

В общем, повторюсь – я ненавидел спускаться в подвал, но лишь до того дня, когда в этих мрачных стенах мне открылось чудо. Это произошло незадолго до случая с крысой. Присев на корточки перед стеллажами и подсвечивая себе карманным фонариком, я выбирал из ящика крупные картофелины и складывал их в кастрюлю. Не помню, о чем я думал в тот момент, вероятно, торопился поскорее выполнить неприятное поручение и подняться в жилую часть дома. И вдруг мое внимание привлек шорох. Поставив на пол кастрюлю,

я осмотрелся. Мыши? Хорек? Куница? Я водил по кругу лучом фонаря и недоумевал, кто мог забраться в подвал. Но все выглядело привычно. На противоположной от стеллажей стене висели на гвоздях пилы, ножницы, какие-то щетки и шланг для полива, хотя поливать на нашем участке было почти нечего. В торце виднелась запертая дверь, неприметная и грубо сработанная, как и все вокруг. Я бы даже сказал: «вечно запертая», потому что никогда не видел ее открытой и понятия не имел, куда она ведет. Я рассеянно скользнул по ней взглядом... и остолбенел. Из всегда темной замочной скважины струился белый свет, яркий и словно хрустальный, и призрачным облаком рассеивался в полумраке.

Ну, и что, спросите вы. Наверное, это дверь на улицу. Черный ход, забытый за ненадобностью. А вот и нет, отвечу я, потому что дело было вечером, солнце уже зашло, и на дворе сгустились синеватые летние сумерки. Еще не ночь, а ее прохладное предвкушение. Может быть, от чего-то так странно отражается луна, размышлял я, скажем, от воды в бочке, или папа забыл на площадке у дома какой-нибудь инструмент? Или у соседей горит повернутая в нашу сторону лампа? Окончательно забыв про картошку, я осторожно подергал дверную ручку и прикинул глазом к замочной скважине.

В тот самый первый раз я ничего толком не разобрал. Ослепительный свет, бьющий в зрачок, разноцветные пятна, движение... За дверью что-то происходило. И еще – за ней как будто ощущался простор, свежесть, не душная пыль поселковой улицы, не подвальная затхлость, а словно дыхание леса или чистота родника. Мне даже послышались птичьи голоса и почудился аромат каких-то странных, нездешних цветов.

Измученный, я отпрянул и несколько минут бестолково топтался на месте, обдумывая, что же произошло. Ну, то есть, обдумывал – это не совсем точно сказано. На самом деле в голове была какая-то каша, зато сердце билось радостно и сильно. Оно, словно птица в клетке, почуяло свободу – и встрепенулось, готовое вырваться из плена и устремиться в неведомое. Выждав немного, я опять прикинул к замочной скважине, и на этот раз увидел – блеск воды, такой яркий, что я на мгновение зажмурился, но тут же снова восторженно распахнул глаза. Маленькие, сверкающие волны, гонимые ветром, и большой куст – вернее, два куста фиолетовых и желтых ирисов. Они росли прямо в озере, рядом с берегом, бархатным от невысокой травы. Картинка, вначале нечеткая, понемногу прояснялась. Из разноцветного тумана выступили деревья – березы, от солнца почти златовласые, ива, раскинувшая над водой зеленый шатер – а над ней, обнимая весь этот удивительный мир, пламенел синий шатер неба – старые сосны, застывшие вдоль тропы, и наполовину затонувший ствол, черный и почти мертвый, но от него тянулись вверх две тонкие молодые веточки. На одной из них сидела крупная синяя

стрекоза. Не знаю, что это было за место. Обычный, в общем-то, пейзаж, если бы не свет, какой-то неземной, сладкий... я как будто ощущал на языке его вкус... И бездонность – озерная и небесная... В тот момент мне показалось, что именно так – и никак иначе – должен выглядеть рай. И до дрожи захотелось туда! В отчаянии я изо всех сил потянул за ручку, потом налег плечом на дверь... но нет, она оставалась неприступной.

Я тщательно обследовал все стеллажи в поисках ключа и в конце концов решил спросить у родителей. Но осторожно, не выдавая моей тайны. Разумеется, они понятия не имели ни о какой подвальной двери. И она их совершенно не интересовала. «Что еще за ключ? Тебе заняться нечем?» – равнодушно бросил мне отец, и я поспешил прочь, пока он не придумал мне какое-нибудь дурацкое занятие. А мама только покачала головой, что означало: «И в кого ты у меня уродился, такой болван?». А может, она меня просто не слышала, погруженная в свои мысли. Бабушка вяло отмахнулась. «Там кладовка какая-то. Давно заперта, ключ еще предыдущим владельцем потерял. Этот дом, знаешь ли, не всегда был наш. Мы его купили. Да зачем тебе?» – «Интересно, бабуль», – не отставал я. Но бабушка пожала плечами и отвернулась от меня, как от пустого места.

Надо ли говорить, что с того дня я проводил в подвале каждую свободную минуту. Станный мир раскрывался передо мной все полнее, теряя туманную неопределенность. Я читал его, словно книгу, с головой уходя в сюжет, пока и сам, казалось, не сделался его частью. Я полюбил маленькое лесное озеро с водой серебряной, как ртуть. Впрочем, мысль о ядовитом металле даже не приходила в голову, так радостно все цвело, пело и порхало вокруг. К лесному озеру приходила фея в зеленых туфельках. Она спускалась по тропинке, рыжей от палых сосновых иголок, и гуляла у воды. Почему я обратил внимание именно на туфельки? А не на платье, тонкое, как стрекозиное крыло, и воздушное, словно сотканное не из шелка, а из просеянных сквозь листву солнечных лучей? Не на светлые кукольные локоны? Не на нежное лицо в золотой россыпи веснушек? Чем больше я на нее смотрел, тем прекраснее она мне казалась, эта маленькая лесная фея, удивительно похожая на мою одноклассницу Лину, девочку, в которую я был тайно влюблен. Да что там. По ней – тайно или явно – страдали все мальчики нашего класса, и оттого, наверное, она высоко задирала нос. Правда, Лина не выглядела такой беззащитной и хрупкой, как лесная фея, скорее – наоборот. Своими нагловатыми шутками она даже учителей заставляла смущаться и краснеть. А самых смелых из нас легко обращала в бегство. Но, может быть, наедине с собой девчонки становятся другими? Может быть, думал я, их дерзость и насмешливость – это, как иголки у ежа, защита от чужих взглядов и злых слов?

А зеленые туфельки не пачкались и не пылились, к их сияющей коже не липли ни бурые листья, ни сухая хвоя, и блестели они ярче изумруда. Я сразу понял, что они волшебные. В них маленькая фея не шла, а мягко ступала по воздуху, на высоте примерно десяти сантиметров над землей. В них она подпрыгивала и, ловко, по-кошачьи, цепляясь за ветки деревьев, раскачивалась так сильно, что у меня в ушах свистел ветер. Прямо в платье и туфельках фея ныряла в озеро и в буквальном смысле выходила сухой из воды. Не дрожащая, облепленная мокрой тканью и с волосами-сосульками, а все такая же солнечная и легкая, летящая над берегом, как цветочный лепесток.

Как я вам уже говорил, души моих родных были наглухо забетонированы. А кто и когда это с ними сделал, я мог лишь гадать. Таким же неприветливым и хмурым рос я сам. В школе со мной никто не дружил, а мишенью для травли я не стал только потому, что часто помогал одноклассникам с уроками. Не то чтобы я делал это с радостью, но подсказать решение сложной задачи или дать списать домашнее задание было для меня проще, чем отказать. Свет, пролившийся из замочной скважины, что-то изменил во мне. Он, как бальзам из целебных трав, утолял боль и врачевал самые глубокие раны. И вот я уже смеюсь вместе с ребятами, непринужденно болтаю, а не забиваюсь в перерывах между уроками куда-нибудь в дальний угол, не глотаю от робости слова, не заикаюсь и не прячу глаза.

67

Прошло месяца два, прежде чем я осмелился подойти к Лине. Наверное, и она почувствовала во мне эту перемену. Мы поговорили... один раз, второй... а на третий я пригласил ее в кино. Я словно очутился внутри прекрасного сна и, счастливый, сам как будто ходил по воздуху. Нет, серьезно. Я с ранних лет привык по вечерам протирать тряпочкой или начищать щеткой свою обувь. Так вот, в ту неделю, когда я гулял с Линой, на мои кроссовки не оседало ни песчинки. Накрапывал на улице дождь, или клубилась сухая пыль – они оставались как новенькие. Но я не удивлялся. Что за дело мне было до каких-то башмаков, если рядом со мной шла самая красивая девочка школы! Я совсем потерял голову – вместе с ее содержимым, иначе и не объяснить то, что однажды, опьяненный любовью, я обещал своей подружке чудо.

Да, я рассказал Лине про чудо в моем подвале. Вернее, намекнул, мол, приходи – и сама увидишь кое-что необыкновенное. Я тебе покажу такое, что глаза на лоб полезут. И говорил так убедительно, что она заинтересовалась. Для порядка, конечно, хмыкнула: «Знаю я, Марк, ваши чудеса». Но согласилась посмотреть. Мы выбрали день, когда мои мама с бабушкой уехали в город на какой-то концерт. Куда делся папа, я не знал. Он никогда не говорил куда идет – не только мне, но даже маме. Но дом оказался пуст и полностью в моем распоряжении.

Я с удовольствием играл роль хозяина. Налил гостю кофе, достал из буфета конфеты и печенье... Лина с любопытством озиралась.

– Ничего так живете... Классно... Ну, показывай, Марк, что хотел показать.

С громко бьющимся сердцем – клянусь, я едва удерживал его в груди, так отчаянно оно колотилось – я встал из-за стола и поманил Лину к лестнице в подвал.

– Сюда... Осторожнее, тут темно. Не оступись. Погоди, я посвечу на ступени.

Мы спустились, и я выключил фонарик. Глаза медленно привыкали к полумраку.

– Ну, и? – произнесла она нетерпеливо.

Мы стояли рядом, так что я ощущал на своем лице дыхание Лины. Ее глаза блестели. На какое-то мгновение меня посетила безумная мысль, что вот сейчас, в темноте, перед закрытой дверью, я могу ее поцеловать. И что она сама этого хочет. Я тряхнул головой, и наваждение прошло.

68

– Ты ничего не видишь?

– Что я должна увидеть?

– Эта дверь... – начал я и запнулся.

– Войдем?

– Она заперта. А ключ потерян.

– И что дальше? – спросила она с вызовом.

А на меня неожиданно нахлынул страх, сильный, как физическая боль. А что если Лина ничего не увидит? Ведь ни папа, ни мама, ни бабушка даже не подозревали о моем секрете. Сколько раз они проходили мимо этой двери? А сколько раз я ходил мимо нее, но не замечал чуда в замочной скважине. Мой взгляд, не привычный к сиянию любви, скользил мимо, не способный удержать ни крупницы света, ни лучика. Уж не говоря о том, чтобы рассмотреть что-то большее. Раскрыть книгу – не значит ее прочесть, на это нужно время. Как долго я впитывал в себя тайное знание, прежде чем разглядел волшебный мир во всех деталях? А как быть с теми, кто не умеет читать?

А вдруг и моя подруга из таких – равнодушных и бескрылых, испугался я. Вдруг она и меня заразит своим неверием – и мир в замочной скважине погаснет навсегда? Это было бы ужасно...

Увы, никаких иных чудес в нашем подвале не имелось. А Лина ждала. И я принялся рассказывать – долго и путано – о крысе, погрызшей нашу картошку. Я пытался сделать эту историю хоть сколько-то интересной и описывал зверюгу размером с медвежонка и с челюстями, как у бульдога. Девочки не любят крыс, и Лина морщилась.

– Ладно... Ну а чудо-то где? – поторопила она меня.

Я осекся и, не зная, что еще придумать, начал врать что-то уж совсем несусветное. Про какую-то белку, которая тоже забралась в подвал и устроила там гнездо. Вон, под потолком, у окна. Я и в самом деле показал его, только не беличье, а осиное, свитое из грубой серой бумаги. В общем, вел себя как распоследний дурак. Так что, в конце концов, Лина смерила меня презрительным взглядом – и ушла.

А на следующий день о моем промахе узнала вся школа. Не знаю, какие подробности присочинила моя бывшая подруга, но надо мной потешались чуть ли не до конца учебного года. Как будто ни у кого не было никаких других поводов посмеяться. И рисовали обидные карикатуры. Я с крысой на поводке. Я и белка, свесившая длинный хвост с моего плеча. Мы трое – и ящик с картошкой. Моя любовь обратилась в боль и ненависть, и на несколько лет мы с Линой стали врагами.

И оставались ими... пока на выпускной бал она не пришла – очень красивая – в длинном русалочьем платье и в зеленых туфельках. Почему? Не знаю. Случаются в жизни странные совпадения. Нет, я так и не подошел к ней. А она не смотрела в мою сторону. Но я таращился на нее во все глаза, придиричиво следя за движениями ее ног. Касаются ли ее подошвы танцевального пола? Оседают ли пыль на зеленых туфельках? Нет, не оседала... И словно что-то в моей душе дрогнуло и встало на свое место. Моя обида растаяла, как облако золотых песчинок, поднятых каблучками маленькой лесной феи. Едва ли я смог бы выразить это состояние словами, только чувствовал – теперь все в порядке.

Вот такая история со мной приключилась в школьные годы. А сейчас... Я уже много лет живу вдали от родительского дома. Но знаете что? Настоящему волшебству никакие расстояния не помеха. И то чудо из темного подвала я бережно заключил в свое сердце. Теперь оно всегда со мной, стоит только закрыть глаза. Я до сих пор люблю желтые и фиолетовые ирисы. И Лину

вспоминаю, и даже иногда с ней беседую. Не с ней самой, а с ее образом, хранящимся в моей памяти. Там, в бездонном колодце прошлого мы давно уже помирились, и я ей все рассказал. И про свет в замочной скважине, и про свои страхи, и про фею в зеленых туфельках. Мы попросили друг у друга прощения – ведь это порой бывает так важно, услышать «прости» от когда-то любимого человека. А впрочем, любовь не стареет, в отличие от тела. Я не знаю, что сделало время с моей подружкой. Оно ведь не щадит никого. И не только время. Мы сами не щадим ни себя, ни близких. Но в моем сердце Лина по-прежнему юная. «Хватит смотреть в замочную скважину, – говорит она мне. – От любой двери должен быть ключ. Ищи его, Марк, и верь – он где-то есть. Ищи».

Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр «Игра вслепую под названием «Жизнь»

Жизнь – это колесо обозрения

Татьяна Нестерова

Я родился. Я в самом низу, вокруг какие-то лица и два-три метра уютного пространства кабинки. Она, скрипя и покачиваясь, поднимается вверх, открывая всё больше и больше панораму твоих возможностей.

Колесо крутится, кабинка в апогее. Тут круто: ветер и дождь, грозы и град, над головой зенит, вдали открытые горизонты. Качает кабинку. Держись! Не зевай! Жаль, выше уже не будет.

Всё, начался медленный, но верный спуск. Пока не старость, но возможности уже не те. Как же так?! Столько еще не успел! Горизонты спрятались за деревьями, земля приближается.

Вот и всё. Круг завершён. Пора выходить.

71

Можно мне ещё разок прокатиться? Я не всё успел.

Жизнь – это бубен

Елена Картунова

Жизнь – это бубен, потому что бубен – это ритм. А ритм – это вдох-выдох, тук-тук, тик-так, день-ночь, зима-лето... Так и переплетаются звучания нашего внутреннего бубна с бубном времени. И пока слышится «тук-тук», жизнь продолжается. Но если в ритм бубна вплетается ещё и мелодия счастья, значит жизнь удалась.

Перпетуум мобиле

Ольга Альтовская

Жизнь – это вечное движение к горизонту. Удивительный земной путь без начала и конца, где каждый новый шаг через миг в прошлом, а желание достичь горизонта неосуществимо.

Перпетуум мобиле. Двигатель, запущенный Господом Богом.

72

Я где-то читала про город, смыслом и условием жизни которого было вечное движение – перекатывание по брёвнам вперёд всех объектов – домов и конструкций. Но жители города верили: где-то есть другая жизнь – статичная и удивительно прекрасная.

Так и тут, на земле, вера в то, что за горизонтом существует иная жизнь, вселяет надежду, манит вырваться из потока времени и перелететь за черту.

Личный конец каждого, может, и есть свой, собственный горизонт, за который переходит душа, покидая тело?..

Что там, за той чертой, каждому из нас предстоит узнать в свой срок. А пока что – идём, плывём, несёмся, ползём, как замороженные, радуясь и печальясь, любя и страдая, по земному пути к своему пределу.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 6»

Картофельные сторожа

Ольга Зими́на

Даже очень тяжёлая юность – всё-таки юность. Что бы с тобой ни приключалось в восемнадцать, когда-нибудь ты непременно вздохнёшь: «Оооо, какими же прекрасными были те времена!»

Сейчас, если я вдруг приготовлю, допустим, пшённую кашу и строго посмотрю на сыновей – они сразу хором скажут:

– Да-да, знаем, в девяностые мы бы съели это и попросили добавки!

Отодвинут тарелки и полезут в холодильник, чтобы приготовить себе бутерброды.

– Вот именно, – отвечу я, – вы бы съели, и вам было бы очень вкусно. Эх, вы просто никогда не дежурили на картофельном поле. Как же скучно проходит ваша юность!

73

Сыновья, не желая слушать весь-этот-бред, схватят бутерброды и исчезнут в недоступных матери недрах своих комнат, а я, желая с кем-нибудь поделиться нахлынувшими воспоминаниями, залезу с ногами на стул и примусь записывать...

...В то лето мне очень нужна была работа. Хоть какая-нибудь. Любая. Нынешней молодежи этого – к счастью! – не понять. Я была согласна почти на всё, и вот что получила по своему глупому запросу в небесную канцелярию: место в охране совхозного поля.

Сторожа приезжали на работу со своими собаками. Электричка везла толпу кинологов с псами всех мастей до станции «Бугры», что во Всеволожском районе, совсем рядом с северной частью Петербурга.

Добравшись до места, мы отпускали собак бегать по полю, разводили костры и принимались печь на углях картошку – начальник разрешал нам выкапывать несколько клубней для собственного пропитания. «Организация горячих обедов для сотрудников» – вероятно, так это называли бы нынче.

В августе погода стояла тёплая, днём припекало, а ночи уже сделались чернильными, звёздными. То и дело с небосклона срывались неосторожные хвостатые кометы. Казалось, что они падают где-то здесь, на нашем поле, и,

если хорошенько пошарить в сочной ботве – ты обязательно встретишь посреди делянки растерянных лунных человечков.

Иногда я пытаюсь вспомнить, о чём мечтала в те августовские ночи, но память моя почему-то упорно молчит. Сбылось ли что-нибудь из загаданного? Вряд ли...

Какая же у нас собралась интересная компания! Странные, замученные жизнью люди, отчаявшиеся найти работу по специальности – в основном, конечно, намного старше меня. Я дежурила вместе с двумя женщинами – Татьяной и Эвой. Татьяна сообщила мне, что она – бывшая жена африканского принца. У неё была огромная семья – восемь или девять смуглокожих детей и худой добродушный ротвейлер.

– Можешь звать меня просто – Таня-десять-негритят, – предложила новая знакомая.

Начальницей в нашей смене числилась Эва, красивая блондинка с короткой модельной стрижкой. Эва профессионально занималась собачьими боями, и её чёрная стаффордширская терьериха Мамба была с ног до головы покрыта жуткими выпуклыми шрамами.

74

Когда я вечером у костра спросила Эву, чем её привлекают бои, та ответила: «Если мы с Мамбой не выпустим пар – обязательно кого-нибудь загрызём в тёмном переулке».

Я заглянула в глаза Мамбы – они светились в темноте простодушным любопытством. Эва слегка растянула губы в улыбке – клыки её в отблесках пламени выглядели чрезвычайно длинными и острыми. Я сразу поверила, что она может невзначай загрызть кого-нибудь – и немного отодвинулась. Мамба подбежала сзади и тихонько ткнулась мокрым носом в мой локоть: «Да брось, не бойся, мы только с виду страшные!»

В молодости ты не очень-то переживаешь из-за бытовых условий. Работа казалась мне чудесным приключением – что может быть приятнее прогулки с любимой собакой, ночёвки под открытым небом, запаха почерневшей дымящейся картошки?

Но в первый же день выяснилось, что хлеб наш не так лёгок, как представлялось: картофельные сторожа подвергались непрерывным угрызениям совести и моральным терзаниям.

От кого мы охраняли поле? От голодных людей, которым необходимо было любой ценой добыть немного еды для семьи.

– Не спускайте собак, пожалуйста! – просила какая-нибудь очередная пожилая женщина, которую мы заставляли на поле с лопаткой и ведёрком, – у меня внуки от голода плачут!

Скажите, что делать в такой ситуации?! Я пребывала в растерянности.

– Берите, но совсем чуть-чуть и поскорее! – торопливо говорила Татьяна, которую тоже ждала дома орава голодных детишек, – пожалуйста, только копайте так, чтобы незаметно было!

Слух о нашей доброте разнёсся быстро, и к утру мы увидели, как в туманной дымке от деревни к полю стягиваются – СЛОВНО МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ ПОЛКИ – стайки женщин с измождёнными лицами.

Мы вставали на их пути со своими якобы грозными – а на деле бестолковыми и некусачими – псами.

– Девоньки, в лес идите, в лес! Там подосиновиков тьма-тьмущая! – хрипло кричала Татьяна.

75

Женщины не спорили – покорно сворачивали в узенькую полоску перелеска. Но за деревьями располагалась военная часть, откуда понурых страдалец прогоняли молоденькие солдатики со специально обученными овчарками...

Мы собирали грибы прямо в поле, во время обхода. Прошёл круг – добыл десяток маслят и крепких пузатых белых. Через два-три часа грибы выросли вновь – маленькие неубиваемые монстрики, они ровными рядами вставали на нашем пути и молча манили: «Съешь меня! Съешь меня!»

Наслаждаясь молодостью, я целыми днями бегала наперегонки со своей собакой Делей, а следом за нами вокруг поля порхали весёлые летние тучки.

...В сентябре, конечно, нам пришлось несладко – сутки под бесконечным промозглым дождём вымотают кого угодно. Картофель убрали, и теперь мы охраняли капусту и морковь.

Голодные люди по-прежнему приходили к нам с просьбой закрыть глаза на их мелкое воровство.

– Ради Бога, уберите собак! Мне бы только пару морковин! – кричали они.

Мы кивали и отворачивались, прекрасно сознавая: если мы вдруг отстегнём от поводков своих мохнатых, те радостно побегут предлагать нарушителям игру с палочками...

– Вы растёте в тепличных условиях, настоящей жизни не нюхали, – говорю я сыновьям, когда те слишком громко обсуждают на кухне способы обжарки различных сортов кофе, – и вообще, черти полосатые, дайте матери поспать, мне скоро вставать!

– Да ну её, эту твою настоящую жизнь, – отвечают мои взрослые дети, – не надо об этом вспоминать, выпей-ка лучше с нами кофе!

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Отражения»

Оно нас приняло

Ольга Альтовская

Инна Алексеевна приехала на похороны отца в свой посёлок – в дом, где прошли её детство и юность. Сколько лет она здесь не была?.. С отцом перезванивались, узнавала новости о его здоровье, рассказывала свои... И вот – «скоропостижно». Ещё одна ниточка с прошлым оборвалась.

Прошли траурные мероприятия: отпевание, похороны, поминки. И дом погрузился в скорбную тишину. Завешанные зеркала, как бельма, не давали переключиться, постоянно напоминали о бренности существования. Всё проходит, все уходят...

Инна Алексеевна ходила по пустому дому, как неприкаянная, не находя себе места. И только одна комната располагала её к отдыху, отвлекала от тяжёлых мыслей, будила воспоминания, возвращая её в прошлое – в беспечное детство и юность.

77

В этой комнате-светёлке она росла и взрослела. В ней делала уроки, наряжалась, собираясь на танцы и на первое свидание. В этой комнате тоже было зеркало. Оно – большое, в тяжёлой деревянной раме – висело на стене и тоже было завешено тканью. Но на него Инна Алексеевна решила не обращать внимания и пожить тут девять дней до очередных поминок и отъезда.

К ней заходили старухи-соседки. Соболезновали, вздыхали, концами платков вытирая слёзы – вспоминали усопшего добрым словом. Спрашивали, что будет делать с домом: продаст или пустит квартирантов? Как устроилась жизнь у Инны, чем занимается?

Они знали её ещё девчонкой. Когда-то давно осуждали её за короткие платья и пышные причёски с начёсом. Но теперь и они постарели, и Инна уже далеко не та «свиристелка». Теперь она солидная, взрослая женщина.

Соседки расспрашивали – Инна рассказывала.

После школы она уехала в другой город, поступила в институт и вышла замуж за однокурсника. Через год развелись – «характерами не сошлись». Родила дочку. Бросила институт. Потом работала, где придётся. Родители помогали, чем могли. Леночку-дочку к себе на лето забирали, закрутками из урожая со своего огорода делились... Жизнь нелёгкая... Дочку растила, воспитывала,

пахала, как лошадь. Замуж больше не выходила. Сватался один – на пятнадцать лет её старше. «Хороший, добрый. Да дочка не дала, не приняла. Детский эгоизм. Пришлось отказать. Повстречались-повстречались, да и расстались. Он уже женился... А Лена закончила школу и уехала со своим парнем в Сибирь. Живут в гражданском браке – это теперь модно. Я теперь совсем одна, в однокомнатной квартире. Спасибо, профком завода, где я работала, похлопотал – дали как матери-одиночке. Теперь вот на пенсии...»

Накануне отъезда Инна Алексеевна сняла все покрывала с зеркал. А когда убрала ткань с зеркала в своей комнате и посмотрела на себя, то отшатнулась. На неё смотрела измождённая пожилая женщина в чёрном платке и с потухшим взглядом. Инна Алексеевна ужаснулась:

«Неужели я такая?» Холодом и тоской веяло из рамы. Создавалось впечатление не отражения, а отторжения. Как будто зеркало не хочет её такую принимать.

Но почему? Всё время, пока она в этой комнате жила и росла, вертелась перед зеркалом, ничего подобного не ощущала. Зеркало принимало её облик, без проблем загружало в свою бездонную память, открывалось навстречу её улыбкам и рожицам. А тут вдруг такое неприятие! Будто невидимая стена выросла между нею и зеркалом. Да, оно отражало внешность, но теперь не принимало её. Будто не хотело её такую в себе хранить.

Инна Алексеевна, поёжившись, отошла от зеркала и постаралась больше даже не подходить к нему. Она его одушевила – будто почувствовала его неприятие – и произнесла: «Не хочешь – не надо! Насильно мил не будешь!..» И зеркало, словно успокоившись, погасло и стало просто предметом интерьера.

Пришло время отъезда. С домом она так ничего и не решила. Но возникла мысль: перебраться из города на родину. И соседи зовут: «Чего тебе?.. Приезжай да живи!..»

В городе к ней на лавочке в парке подсел незнакомец – седой старик лет шестидесяти пяти с аккуратно постриженной бородкой. Познакомились. Он представился: Илья Алексеевич. Пошёл разговор – о погоде, природе, жизни в городе: «Хорошо, но шумно...»

И Инна Алексеевна неожиданно стала рассказывать незнакомцу о своей родине, о посёлке, откуда она только что вернулась.

Была чудесная осень. Дожди, отрыдав-отплакав на похоронах и поминках, прошли, и солнце сияло, играло в прореженной жёлтой листве так весело, что хотелось жить и верить – всё будет хорошо.

– А мы с вами будто родня, – смеясь сказал старик. – Оба Алексеевичи. Вы так здорово рассказали о вашем посёлке, что захотелось побывать, посмотреть.

– А хотите, поедем вместе? – вдруг предложила Инна Алексеевна и сама испугалась того, что сказала. Пригласила человека, ничего о нём не зная. Как девчонка-свиристелка!

Но отступать уже было поздно.

Илья Алексеевич стал отказываться: «Неудобно... Получается, что я навязался...» Но чем больше он отказывался, тем настойчивей она его уговаривала. Чем-то он ей понравился: и тембр голоса, и тёплые интонации в разговоре, и рассуждения о жизни...

У них завязались приятельские отношения. Скромные, как у подростков, на «вы» и по имени отчеству, но интересные им обоим с пешими прогулками и обсуждениями хозяйственных вопросов. Илья Алексеевич рассказал, что работал в фирме «Муж на час». Сейчас на пенсии, вдовец и свободного времени – хоть отбавляй. Инна Алексеевна рассказывала о своей жизни и дочке легко и непринуждённо, словно были они знакомы давным-давно. Она будто помолодела. Стала подкрашиваться, сняла траур. И где-то через месяц после знакомства они вместе приехали в её родной посёлок.

Инна Алексеевна выделила Илье Алексеевичу комнату в своём доме – пожить, помочь по хозяйству. Приятель оказался мастером на все руки. А хозяйка оказалось отменной стряпухой. И как-то вечером за ужином у самовара во время чаепития с её любимыми пирожными они решили жить вместе.

Он смеялся: «Был муж на час, а стал муж на век!..»

А она ругала себя за легкомыслие, стеснялась, сомневалась и цвела одновременно.

Утром, когда в её комнате-светёлке Илья Алексеевич исправлял розетку, они подошли к старому зеркалу. Солнце, отражаясь в нём, осветило их лица. И они увидели в зеркале немолодую улыбающуюся пару. Инна Алексеевна держала Илью Алексеевича под руку, а он поправлял прядь волос на её голове. И зеркало обливая их лучами, будто одобряло их союз.

Неожиданно Инна Алексеевна сказала странную фразу, которую Илья Алексеевич не понял:

«Видишь, оно нас приняло!..»

Да и зачем ему что-то понимать, когда всё хорошо?..

Земля – Орион – Минтака. Ей сегодня примечталось... (55-словники)

Божественная справедливость

Marara

Голодная лисица бежала по росистой траве, втягивая манящие запахи. Ей сегодня примечталось, что она изловит зайчиху, водившую её за нос. Зайчиха, петляя, истово мечтала о рае, где лис вообще не будет: одна трава, зайцы и миру мир. Общий для всех господь горько вздыхал – исполнить мечты и молитвы всех божьих тварей было нереально и для него.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Третий конкурс Фонаризов

Отговорила роща золотая на юг лететь большую птичью стаю.
Ольга-Клен

Может быть, за годом год пишет вам не друг, а бот.
Михаил Кульков

Уронили Мишку на пол – так и стал он косолапым.
Людмила Кац

Людей неинтересных в мире нет – в зубах поковырялся людоед.
Сергей Че

И, уважая мнение любое, свое я никогда не сдам без боя.
Ольга-Клен

82

Я написал бы восемь строк... но лишь одну придумать смог.
GP

Куда, куда вы удалились? Я вам повестку должен был вручить.
Гелия

** победитель в авторском зачёте*

Ольга-Клен

Отговорила роща золотая на юг лететь большую птичью стаю.

И, уважая мнение любое, свое я никогда не сдам без боя.

Жест по-детски неумелый... и обводят дядю мелом...

Коль не случилось кары от творца, я сам ударю в морду подлеца.

Главней всего погода в доме, когда нет крыши и дверей в дверном проеме.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов – 4

Постскриптум – смазанные двери

АлеХ

Мост – страшный сон Харона...

GP

Мост – дружеское рукопожатие двух берегов

Татьяна Нестерова

Блин – междометие, употребляемое с пылу с жару

Вера Рехтер

Рассада – отмена засады

АлеХ

83

Раскопки – поиск значек далёких предков

Татьяна Нестерова

Плнтус – мерило качества позора

Сергей Че

Мотив – преступная мелодия

АлеХ

** победитель в авторском зачёте*

АлеХ

Постскриптум – смазанные двери

Рассада – отмена засады

Мотив – преступная мелодия

Мост – перемычка на опорах взаимных надежд

Клин – любовная форма белого света

Конкурс Объявлений – 5

Бедные поэты

АлеХ

Клуб «Бедные поэты» примет в дар табурет для громкого чтения.

Ёлки-палки

Людмила Кац

Фирме «Ёлки-палки» срочно требуется палочка-выручалочка.

Цепь

АлеХ

Меняю брачные цепи на цепь случайных связей.

85

Чистую

Елена Картунова

С чистой совестью превратим тёмные дела в чистую прибыль,
грязную ложь – в чистую правду.

До блеска перемоем кости скелетов в шкафу.

На чистую воду выведем пятно в биографии.

Сотрём любой компромат до чистого листа

(Клининговая компания «Грязь – наше всё!»)

Литератор с опытом

Акс

Дому писателей срочно требуется молодой литератор с опытом работы в газовой котельной. Сутки через трое.

** победитель в авторском зачёте*

АлеХ

Бедные поэты

Клуб «Бедные поэты» примет в дар табурет для громкого чтения.

Цепь

Меняю брачные цепи на цепь случайных связей.

Поэта полусреднего веса

Лёгкая на подъём поэтесса ищет поэта полусреднего веса для совместных полётов.

Оглавление

Оглавление

I. Планета X

Командная игра «Четыре грани – 3»

Сугилитовая зажигалка. <i>Ольга-Клен</i>	4
Трики-траки-ву. <i>Ольга Зимина</i>	9
Волшебный суп. <i>Джон Маверик</i>	14
Путёвка на планету Тарарам. <i>Ольга Зимина</i>	19
И лес превращается в море. <i>Джон Маверик</i>	23
Йоухикко. <i>Ольга Зимина</i>	28

II. Планета ТАУКиТА

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь»

Не окончательно и не бесповоротно. <i>svetaovan</i>	35

III. Планета путешествий

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Обманная страна»

Волшебная авантюра. <i>Елена Картунова</i>	39
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Дух противоречия»	
Ночь синей луны. <i>Джон Маверик</i>	46
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Утопия и антиутопия»	
Черёмуховые руки. <i>Ольга Зимина</i>	52
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Фотография»	
Осенняя река. <i>Джон Маверик</i>	58
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Душа в пятках, или Обувная сага»	
Свет в замочной скважине. <i>Джон Маверик</i>	64
Земля – Орион. Зимний конкурс миниатюр «Игра вслепую под названием «Жизнь»	
Жизнь – это колесо обозрения. <i>Татьяна Нестерова</i>	71
Жизнь – это бубен. <i>Елена Картунова</i>	72
Перпетуум мобиле. <i>Ольга Альтовская</i>	72
Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 6»	
Картофельные сторожа. <i>Ольга Зимина</i>	73
Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Отражения»	
Оно нас приняло. <i>Ольга Альтовская</i>	77
Земля – Орион – Минтака. Ей сегодня примечталось... (55-словники)	
Божественная справедливость. <i>Marara</i>	81

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Третий конкурс Фонаризов

Отговорила роща золотая на юг лететь большую птичью стаю. <i>Ольга-Клен</i>	82
Может быть, за годом год пишет вам не друг, а бот. <i>Михаил Кульков</i>	82
Уронили Мишку на пол – так и стал он косолапым. <i>Людмила Кац</i>	82
Людей неинтересных в мире нет – в зубах поковырялся людоед. <i>Сергей Че</i>	82
И, уважая мнение любое, свое я никогда не сдам без боя. <i>Ольга-Клен</i>	82
Я написал бы восемь строк... но лишь одну придумать смог. <i>GP</i>	82
Куда, куда вы удалились? Я вам повестку должен был вручить. <i>Гелия</i>	82
Жест по-детски неумелый... и обводят дядю мелом... <i>Ольга-Клен</i>	82
Коль не случилось кары от творца, я сам ударю в морду подлеца. <i>Ольга-Клен</i>	82
Главней всего погода в доме, когда нет крыши и дверей в дверном проеме. <i>Ольга-Клен</i>	82
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс афоризмов – 4	
Постскрипtum – смазанные двери. <i>АлеХ</i>	83
Мост – страшный сон Харона... <i>GP</i>	83
Мост – дружеское рукопожатие двух берегов. <i>Татьяна Нестерова</i>	83
Блин – междометие, употребляемое с пылу с жару. <i>Вера Рехтер</i>	83
Рассада – отмена засады. <i>АлеХ</i>	83
Раскопки – поиск зачехленных предков. <i>Татьяна Нестерова</i>	83
Плинтус – мерило качества позора. <i>Сергей Че</i>	83
Мотив – преступная мелодия. <i>АлеХ</i>	83
Мост – перемирие на опорах взаимных надежд. <i>АлеХ</i>	84
Клин – любовная форма белого света. <i>АлеХ</i>	84
Конкурс Объявлений – 5	
Бедные поэты. <i>АлеХ</i>	85
Ёлки-палки. <i>Людмила Кац</i>	85
Цепь. <i>АлеХ</i>	85
Чистую. <i>Елена Картунова</i>	85
Литератор с опытом. <i>Акс</i>	85
Поэта полусреднего веса. <i>АлеХ</i>	86
Оглавление	87

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

